

Евгений Бузни

Зивелеос

книга вторая
Поляна Лысой горы

16+

Евгений Бузни

**Зивелеос. Книга вторая.
Поляна Лысой горы**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Бузни Е. Н.

Зивелеос. Книга вторая. Поляна Лысой горы / Е. Н. Бузни —
«ЛитРес: Самиздат», 2018

Роман «Поляна Лысой Горы» является продолжением романа Евгения Бузни «Зивелеос». В новом романе к его герою журналисту Николаю Самолётову, который, благодаря необычному костюму, является практически неуязвимым для своих преследователей, присоединяется его любимая – Татьяна Иволгина, также получившая возможность быть сильной и защищённой от любого насилия. Она дважды спасает своего друга, когда тот попадает в сети, расставляемые ему силовыми структурами страны. О борьбе Зивелеоса и Соелевиз против власти денег рассказывается в романе.

© Бузни Е. Н., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Загадка имени	5
Нельзя брать бабушку	12
Ключ есть, но нет двери	20
Таким героем могу быть только я	27
Бабушкины гости	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Загадка имени

Абрамов Бор избрал себе такой псевдоним по двум причинам. Во-первых, к его даче с золотыми куполами примыкал сосновый бор, который все так и звали Абрамов Бор, поскольку принадлежал он теперь Абрамову. Имя у Абрамова было Борис, а если убрать это несчастное окончание «ис», то и получится Абрамов Бор, что Абрамову понравилось, во вторую очередь, потому, что Бор, как фамилия, льстило самолюбию, поскольку напоминало фамилию Нильса Бора. Абрамов слышал где-то, что этот Нильс Бор был знаменитым учёным физиком. То, что Бор в скандинавской мифологии являлся богом, Абрамов не знал, а когда кто-то из его приспешников сообщил ему такую деталь, то он ещё больше возгордился своей, как теперь он считал, гениальной выдумкой псевдонима.

Но, увы, всё это не имело никакого значения для описываемого момента, ибо, хоть Абрамов Бор и сидел удобно в мягком итальянском кресле, держа в зубах длинную гаванскую сигару, но толстеющее от обилия высококалорийной пищи тело его всё напряглось в ожидании каждую секунду неприятности от сидевшего в кресле напротив Зивелеоса. Станный пришелец, о котором знал и говорил уже весь мир, мог бы стать предметом гордости для Абрамова Бора от одного сознания встречи с таким человеком с глазу на глаз, если бы не понимание другого факта, а именно того, что Зивелеос напрасно визиты не наносит, каждый раз значительно опустошая казну того, к кому являлся всегда неожиданно.

Пухлые руки Абрамова Бора заметно дрожали, когда он пытался справиться со своей зажигалкой, говоря:

– Извините меня, господин Зивелеос, я никак не думал, что вы собираетесь навестить меня здесь и сейчас, когда я ожидаю...

Тут Абрамов Бор поперхнулся, закашлялся и, спустя долгих две минуты вполне искусственно создаваемого кашля, продолжил, наконец:

– Так неожиданно появились, что я не успел даже закурить сигару, без которой как-то не привык отдыхать. Кстати, я давно знаю ваше настоящее имя. Да оно известно теперь всем. Так что не считите за труд сказать, как мне лучше к вам обращаться.

– Ко мне вы можете вообще не обращаться. Разговаривать буду я, а ваше дело исполнять мои указания.

– Простите, но мы интеллигентные люди. Можно же и побеседовать, несмотря на то, что мне очень некогда.

– От ваших других дел я вас временно освобождаю, – прогремел Зивелеос металлическим голосом.

Абрамов Бор никак не мог понять, откуда шёл голос непрошенного гостя, словно усиленный мегафоном.

Они сидели в саду под разлапистой елью за небольшим круглым столом, окружённым четырьмя красивыми итальянскими креслами. Зивелеос так громко говорил, что его легко можно было услышать в любой комнате огромного дачного дома, напоминавшего дворец с круглыми позолоченными башенками по углам. В башенках располагались уютные спальни. Одну из них Абрамов Бор сегодня утром покинул, чтобы позавтракать в обществе молодых красавиц. Самая молодая услаждала его ласками этой ночью, а другие предназначались сегодняшнему гостю и сопровождающим лицам, если тем захочется расслабиться и развлечься вдали от собственных жён.

Получив удовольствие от сытного и высококалорийного завтрака, хозяин дачи полдня занимался приготовлениями к предстоящему приёму, а теперь вышел в сад, чтобы спокойно обдумать все детали предстоящей встречи с премьер-министром, обещавшим приехать

сегодня к обеду для решения важных финансовых проблем без участия лишних официальных лиц и в стороне от глаз журналистов.

Устроившись удобно в кресле, достав из лежавшей на столе коробки длинную гаванскую сигару, финансовый магнат только собирался воспользоваться зажигалкой, как внезапно возле ели опустилось прямо с неба белое облако в форме большого кокона. Поверхность его переливалась серебристыми огоньками сверкающих искорок.

Но красота длилась недолго. Как только кокон коснулся земли, по чьей-то воле освещение мгновенно пропало, а под дерево к столу пошёл Зивелеос. Человек, о котором писали все газеты, чьё изображение можно было увидеть по всем каналам телевидения, а голос которого время от времени звучал в различных радиопрограммах, человек, которого не мог обойти своим вниманием и Интернет, был легко узнаваем в своей постоянно чёрной шляпе, с чёрными широкими усами, в чёрном кожаном костюме, напоминающем одежду аквалангиста, и в чёрных необычных ботинках на толстой платформе.

Абрамов Бор не только прекрасно знал, как выглядит этот ненавистный ему Зивелеос, но и прилагал немало собственных сил и средств для того, чтобы найти способы уничтожения его или привлечения на свою сторону. Немало учёных получили от него задание разобраться с тайной Зивелеоса, за что была обещана великая премия. Да что говорить, и сегодняшняя запланированная встреча с премьером имела в виду обсуждение проблемы с Зивелеосом чуть ли не главной в числе всех других важных вопросов.

До сих пор это летающее чудо, как обозвал Зивелеоса какой-то писака-журналист, ни разу не появлялся во владениях Абрамова Бора, а он его ожидал постоянно, однако не в этот день, намеченный совсем для других дел, хорошо спланированный по часам и минутам. Не так легко вызвать на личный разговор второе лицо государства так, чтоб это не было заметным для прессы, чтоб не пронюхали обо всём догадывающиеся, но не имеющие доказательств мастера скандалов о том, кто и как на самом деле правит государством. Была проделана гигантская дипломатическая работа, согласованы все графики приёмов и раутов, отложены в сторону чуть менее важные, но всё же важные для государства дела.

И вот на тебе! За какой-то час до назначенной встречи появился этот злополучный Зивелеос и заявляет безапелляционно, что он освобождает от всех дел. Вот они сидят теперь, глядя друг на друга: хозяин дачи испуганно, пытаясь дрожащими руками запалить зажигалку, чтобы раскурить сигару и, может, с помощью сигарного дыма хоть немного успокоиться и собраться с мыслями, и он – этот странный человек, желающий переделать мир по своему, а не так, как переделывают его они – олигархи.

Разумеется, громовой голос Зивелеоса был услышан всеми на даче, но никто не осмелился выйти из дома, решившись лишь выглянуть в окна и тут же спрятаться за портьерами, дабы не попасться на глаза поистине всемогущему летающему чуду, от которого можно было ожидать чего угодно. Даже охрана Абрамова Бора, сразу заметившая появление непрошеного гостя, постаралась скрыться и тут же позвонить начальству в соответствии с имевшимися давно указаниями по своей охранной линии.

– Так кого вы сегодня ожидаете у себя, Борис Абрамович Абрамов? – поинтересовался Зивелеос, откидываясь всем телом на спинку кресла. – Но вы закуривайте, закуривайте, – со смехом в голосе, продолжал он, наблюдая, как дрожат руки собеседника.

– Да я, собственно, никого не жду, – почти автоматически пробормотал Абрамов Бор. – А вы не хотите закурить? Чудные сигары, между прочим. Совсем не крепкие и очень приятный аромат. Можете попробовать.

– Спасибо, я не курю вообще, а такие дорогие сигары тем более.

– Ну, уж при ваших-то деньгах, которые вы... – Абрамов Бор запнулся, но тут же поднёс к сигаре появившийся в конце концов язычок пламени зажигалки, затянулся слегка и пустил первый клубок дыма.

– Я, Борис Абрамович, не граблю, как вы, наверное, хотели только что сказать, а, научно выражаясь, экспроприирую, то есть беру то, что вам не принадлежит по праву, и отдаю тем, кому это должно принадлежать по тому же праву.

– А о каком праве, если позволите мне спросить, вы говорите?

Абрамов Бор начинал приходить в своё нормальное состояние. Пустив несколько клубов дыма и следя за колечками, он почувствовал, как проходит напряжение первых минут встречи.

– Я имею в виду право каждого человека на земле жить хорошо. А потому всё, что есть на земле, должно принадлежать всем, а не одному кому-то, или нескольким сильным мира сего.

– Так оно – это всё на земле – и принадлежит всем, – казалось бы, соглашаясь, сказал Абрамов Бор, но затем возразил: – Только распределяются эти богатства по-разному: те, кто с умом, имеют больше, а те, кто волюнты, пьют, лентяйничают, имеют значительно меньше. Вот в чём проблема.

– Э-э, нет, – не согласился Зивелеос, – так вы и меня сразу в глупые запишете, если у меня нет таких денег, как у вас.

– Ну, что вы, Николай Степанович! – Абрамов Бор решил назвать Зивелеоса его настоящим именем. – Вас мы считаем не просто умным, а гением, потому и хотим принять в лагерь умных.

– Опять же не могу с вами согласиться Борис Абрамович. Гений тут не я, если вы имеете в виду мои специфические возможности, недоступные пока другим людям. Это гений другого человека, одной исполнительской рукой которого я являюсь. Но мы вернёмся к вопросу о праве, с чего я начал.

Я отбираю часть денег у таких, как вы, и отдаю детям, у которых до недавних пор было только одно право, предоставленное вами – бродить по улицам городов, попрошайничать или воровать, какими бы умными они ни были. Сейчас они имеют не только крышу над головой, достаточно еды и тепла, но и отличную школу, с помощью самих детей строятся мастерские и даже целый завод, где эти совсем недавно глупые, по вашему определению, дети становятся очень даже умными.

Вполне допускаю, что среди них могут родиться и гении. Но это вовсе не означает, что эти гении будут жить гораздо лучше остальных. Ведь один человек хорош тем, что умеет придумывать машины, другой тем, что умеет ими управлять, третий тем, что готовит вкусную пищу тому, кто придумывает и управляет, а четвёртый знает, как выращивать то, из чего третий готовит вкусную пищу для первого и второго. То есть каждый из них делает то, чего не умеет делать другой, почему же кто-то из них должен жить лучше, а кто-то хуже, если все выполняют работу друг для друга? В этом и заключается простой закон справедливости, о котором мечтал ещё древний философ Платон.

Так что в ваш лагерь грабителей я никак не попаду.

– Вы идеалист, дорогой Николай Степанович, из тех, кого мы относим к утопистам, – рассудительно, неторопливо стал отвечать Абрамов Бор. – Не будем удаляться в историю, которую я знаю действительно плохо. Но посмотрите на сегодняшний день. Вы заставили некоторых моих коллег по бизнесу удрать от вас за границу, чтобы вы их здесь не доставали. Вы отняли у них часть денег. Ну и что? Из-за рубежа они так же управляют своими капиталами, как и находясь в России. Сегодня никакой проблемы расстояния не создают. Для вас, видимо, километры имеют какое-то значение, если вы пока не распространяете свою деятельность дальше Московской области, что, конечно, замечено и некоторые особенно боящиеся вас обладатели крупных капиталов успели убраться из Москвы на всякий случай. На самом же деле управлять капиталом в современных условиях легко из любой точки земного шара.

Вы можете продолжать заниматься своими террористическими набегами, но задумайтесь, к чему это приводит. Отняли вы у Рыжаковского, Утинского и у папы нашего Аркадия Леопольдовича некоторую часть их денег. Честь вам и хвала за то, что пошли эти взносы в

качестве добровольных пожертвований на ваш детский дом. Но знаете ли вы, что государство возместило этим пострадавшим от вас бизнесменам все потери да ещё с процентами, а с учётом ваших возможных дальнейших экспроприаций, как вы их называете, вчера парламент принял решение о создании специального фонда по возмещению убытков от террористических акций, подразумевая в основном ваши? Между прочим, фонд этот будет создаваться за счёт уменьшения расходов на те же социальные нужды, на науку и другие потребности народа. Вот как это оборачивается.

В одиночку, дорогой наш Робин Гуд, вы сейчас ничего не сделаете. Даже мы, владельцы крупного частного бизнеса, ненавидя в душе друг друга, объединяемся, чтобы выстоять в борьбе за мировые рынки сбыта, развивая своё российское дело. Объединяемся и против летающего чуда, а, значит, найдём на вас управу. Сколько верёвочка ни вьётся, а конец найдётся. Вот и получается, что вам лучше присоединиться к нам, а не выступать против.

Зивелеос внимательно слушал олигарха. Мысли, которые тот высказывал, давно беспокоили самого Николая, но выводы, которые он делал из них, были совсем иными, а потому ответ Абрамову Бору он сказал:

– Благодарю вас за сведения, которыми вы меня снабдили. Они мне пригодятся. Но я пришёл не для душеспасительных разговоров, а по делу. О сути его вы правильно догадались. Мне нужен сегодня миллиард. Будьте любезны распорядиться перечислить его по следующим адресам, – и Зивелеос, достав из нагрудного кармана комбинезона записную книжку, бросил её на стол.

– Но это уж слишком! – возмутился Абрамов Бор. – У других вы брали меньше.

– Не скардничайте, Борис Абрамович. Вам это не к лицу. Кроме того, вы же сами только что сказали, что вам эти потери компенсируют, да с процентами. Распорядитесь быстро, а то мне хочется посадить вас на макушку одного из куполов вашей дачи, чтобы у вас не возникло смешного желания сбежать от меня.

Прекрасно понимаю, что ФСБ уже оповещено о моём визите, и они стоят на ушах, выдумывая способы воздействия, но поверьте мне, у них пока ничего толкового в руках нет. Так что исполняйте свою святую обязанность помогать обездоленным, а как поступит потом государство, мы ещё посмотрим. Вы отвечайте за себя. И не тяните время. Вы, кстати, почему-то всё время посматриваете на часы. Ждёте-таки кого-то, но это ваши проблемы. У меня свои. Даю пять секунд на размышления. Время пошло: раз... два...

Громкий голос Зивелеоса звучал вполне убедительно.

Абрамов Бор вскочил, выплюнул изо рта сигару, торопливо достал из футляра на поясе мобильный телефон и набрал нужный номер. Услышав ответ, поднял со стола записную книжку Зивелеоса, на первой странице которого были аккуратно выведены номера банковских счетов против проставленных сумм в рублях и начал диктовать, требуя немедленно совершить нужные операции по переводу средств.

По телефону что-то спросили, и Абрамов Бор мрачно бросил в трубку:

– Приеду и подпишу. Вы меня знаете.

Но тут вмешался Зивелеос:

– Пусть привезут реквизиты сюда, Борис Абрамович. Я могу подождать, и вы подписывайте их при мне. Но, если хотите, я перенесу вас к банку сам.

– Только не это, – испуганно воскликнул Абрамов Бор и прорычал в трубку:

– Везите всё ко мне немедленно. Даю вам пятнадцать минут.

Зивелеос улыбнулся, говоря:

– Вот теперь можно и пофилософствовать. Какую тему вы бы хотели ещё затронуть в оставшуюся четверть часа нашего общения?

Абрамов Бор утомлённо плюхнулся в кресло и, заметив выпавшую на стол сигару, взял её снова в зубы.

Пару минут он приходил в себя и молчал, но потом всё же справился с собой и сказал:

– Честно говоря, Николай Степанович, я даже рад этому происшествию. А то других навещали, а я вроде как мелкая сошка был, которую вы просто не замечали. Теперь вот тоже удостоился вашего внимания. Но меня всегда интересовал один вопрос, на который никто пока не может дать ответ, а вы его наверняка знаете. Что это за имя такое странное у вас – Зивелеос? Оно что-то означает или это тайна для всех, которую нельзя раскрыть? Вы могли бы рассказать об этом тихо, только для меня, если это технически возможно.

Николай громко рассмеялся.

– Не хочу вас обижать, как человека, но, если бы мне хотелось рассказать кому-то о своей тайне с условием её сохранности, то вы были бы в числе последних, на ком я остановил бы свой выбор. Понимаю, что вы умеете хранить свои собственные секреты, но не мои же. Несколько минут назад вы пояснили мне, что объединились в борьбе против меня. Это прозвучало, очевидно, случайно. То есть вы просто проговорились, но то, что вы теперь спрашиваете, могу ли я говорить тихо, откуда у меня такой громкий голос, убеждает меня лишний раз в том, что вы на самом деле мечтаете раскрыть не только и не столько тайну моего имени, сколько тайну изобретения, которым я пользуюсь. Разумеется, имя моё связано с изобретением, а потому я не раскрою вам его смысл.

На лицо Николая легла задумчивая улыбка. Перед глазами как наяву встал тот самый день, когда именно ему в голову пришла незамысловатая простая идея назвать себя Зивелеос. А было это так.

Маша, славная Маша привезла Николая к Тарасу Евлампиевичу. Это было интересное знакомство. Прежде чем показать Николаю своё изобретение учёный долго как бы прошупывал молодого журналиста глазами, пытаясь проникнуть в самые тайники его души, и спрашивал, спрашивал обо всём в его жизни, начиная с самого детства. А оно у Николая было очень коротким.

Потеряв в десятилетнем возрасте ласки любимой мамы и строгости не менее любимого отца, мальчику пришлось сразу повзрослеть, попав в детский дом. О том, что оба дорогих ему человека, уже никогда не прижмут к себе своё чадо по причине их гибели в катастрофе, ему сказали не сразу. Но когда всё же сказали, и когда дошло до сознания, что всё это не сон и никогда не изменится, слёзы сменились взрослостью. Он никогда больше не плакал, приняв на себя обязанность борьбы за справедливость по отношению к таким же, как он, мальчикам и девочкам.

Здесь, в детском доме, он привык всё делить поровну и никогда не обижать слабых. К слабым он относил в первую очередь девочек и не считал возможным хоть как-то обижать их. Однажды к ним в девятом классе попал новый мальчик, который, будучи довольно заносчивым, никак не мог найти общий язык с девочками. Воспитателю пришлось даже провести специальное собрание на эту тему. И тогда этот мальчик сказал, что девочки в их группе очень плохие, и попросил перевести его в другую группу. Услышав это, Николай попросил слова и вышел перед всем классом.

Он волновался, но усилием воли заставив себя успокоиться, произнёс целую речь защитника, начав совершенно неожиданными словами:

– Я считаю, что говоривший только что Арнольд оскорбил меня.

Арнольд возмутился, выкрикнув с места:

– Про тебя я не сказал ни слова.

– Да, оскорбил, – повторил Николай. – Я почти пять лет живу в этом доме и учусь с нашими девочками. И я с ними не ссорюсь. Мы очень дружим. Но если они кому-то кажутся плохими, значит, я тоже плохой, потому что дружу с ними. На Руси говорят: «Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты». Вот почему я считаю личным оскорблением, когда о моих друзьях говорят плохо. Поэтому, Арнольд, хочу тебе посоветовать, прежде чем кого-то в чём-

то обвинять, подумать, а всё ли ты сам делаешь правильно. Хорошо ли ты сам относишься к нашим девочкам? Не получается ли так, что ты себя любишь больше других? Ты ведь живёшь со всеми, а потому обязан любить всех, как себя. Если каждый будет делить свою любовь на всех, то каждый будет получать равное количество любви, то есть не меньше, чем он отдаёт всем. Вот что такое коллектив. Это математика. А математику нельзя не знать и не уважать.

Николай закончил говорить, а в классе раздались аплодисменты. Аплодировала даже воспитательница Нона Андреевна.

Арнольда перевели в другую группу, но собрание пошло ему на пользу. Он постепенно изменился, вскоре став закадычным другом Николая.

Понравилась Тарасу Евлампиевичу и другая история с выступлением, о которой рассказал Николай. Теперь это произошло во время службы в армии.

В десантных войсках дисциплина строгая. И спорить с начальниками или критиковать их там не принято, как не принято и в других войсках. Но этот род войск всё же особый. Тут многое в службе связано с риском для жизни. Так что без жёсткой дисциплины никак нельзя.

Но вот однажды в роте, где служил Самолётов, проводили комсомольское собрание, которое посетил командир части. Командир роты до начала собрания объявил солдатам, что сегодня на собрании будет полная демократия и любой может высказаться, как на духу, честно и откровенно. Однако никто не решался начинать первым. Тогда друзья Николая стали толкать его и просить выступить. Он и стал говорить, начав с того, что каждый солдат по уставу обязан, если потребуется, защищать командира.

– Однако, – продолжал он, – как будет исполняться это требование устава, зависит и от отношения командира к самим солдатам. К примеру, если наш командир роты вызывает того или иного солдата перед строем и начинает его оскорблять, то, мне кажется, это не будет способствовать в боевой обстановке оскорблённому солдату спешить на помощь к командиру, хотя он и обязан это делать.

Понятно, что эти слова не понравились присутствовавшему командиру роты. После собрания он подошёл к Николаю в коридоре и спросил, зачем он сказал такое при всех, на что Самолётов ответил:

– Вы же, товарищ лейтенант, оскорбляете солдат при всех, поэтому и я сказал это открыто на собрании.

Но на этом выступление Самолётова не закончилось. Дальше он перешёл к критике действий командира части. Здесь Николай тоже начал с устава, сказав:

– Мы понимаем, что устав – это закон армейской жизни. Каждый солдат обязан отлично выполнять свои обязанности. И всё же психика человека руководствуется не только приказами и положениями. Не так давно командир части пообещал нашему отделению в случае успешного выполнения прыжков с парашютом отпустить всех в отпуск. Прыжки были выполнены на отлично, но в отпуск никто не поехал. Затем командир части пообещал нам отпуск за успешную десантную операцию. И она была проведена успешно, однако и в этот раз никому отпуск не дали. Мы, конечно, выполним и другие задания, но, наверное, настроение при этом у солдат будет несколько иным, не очень способствующим отличной службе. Уж коли слово дано, желательно его выполнять. Тогда и в бой идти легче.

– Да, вы, оказывается, профессиональный скандалист, Николай, – рассмеялся Тарас Евлампиевич. – Думаю, что речь ваша возымела действие?

– Да возымела, – усмехнулся Николай. – Буквально на следующий день всё наше отделение, кроме меня, было отправлено в отпуск. Но я был рад за своих друзей. А скандалистом себя назвать не могу. Мои последующие выступления, когда, например, в институте из-за них переизбрали секретаря комсомольской организации института вопреки требованию горкома оставить его, вызывали скандал, но я ведь не ради скандала говорю обычно, а ради установления справедливости. Просто не могу терпеть бюрократов и рвачей, заботящихся о своей карьере

вопреки общим интересам. Потому и избрал профессию журналиста. Я детдомовец и весь мир рассматриваю как один общий детский дом.

Тарасу Евлампиевичу понравились рассказы Николая, но они долго ещё обсуждали многие вопросы, прежде чем учёный решился рассказать Николаю о своём открытии, примерить на молодого человека необычный костюм, позволяющий ему не только быть защищённым от любого внешнего воздействия, но и перемещаться в воздухе на огромные расстояния. Всех, кто потом сталкивался с Зивелеосом, поражало то, что даже пули не то чтобы не пробивали его костюм, как бывает при наличии бронежилета, а даже не доходили до костюма, отлетая в стороны, словно скользя по касательным, наталкиваясь на мощное воздушное противодействие.

– Вокруг вашего костюма, – объяснял тогда Тарас Евлампиевич, – создаётся поразительной силы энергетическое поле, отталкивающее любые объекты. Энергию эту я беру, образно выражаясь, чтобы вам было понятно, от полярного сияния, которое хоть и видим мы лишь полярной ночью, но существует постоянно зимой, весной, летом и осенью. То есть вы можете пользоваться ею круглый год.

Во время этого пояснения учёного и родилась у Николая мысль взять себе имя Зивелеос.

– А что это означает? – не понял Тарас Евлампиевич. – Какое-то греческое имя.

– Да нет, – ответил Николай. – Всё значительно проще. Вы говорите, что действует эта энергия постоянно, то есть зимой, весной, летом и осенью. Берём первые две буквы каждого сезона, соединяем, и получается Зи-ве-ле-ос.

Тарас Евлампиевич удивлённо покачал головой:

– Действительно просто и вполне звучно. Пусть будет Зивелеос. Только никому раскрывать этот акроним не нужно. Простой обыватель не поймёт, а иного учёного может натолкнуть на мысль о сути явления. А нам это пока не нужно.

Так родилось имя, значение которого Николай не собирался объяснять олигарху.

Нельзя брать бабушку

– Товарищ генерал? Дежурный по управлению докладывает. Только что поступила информация от охраны Абрамова Бора. Сообщают, что к нему на дачу явился Зивелеос. Сейчас он разговаривает с Борисом Абрамовичем у него в саду.

Генерал Дотошкин готов был схватиться за голову. Ударив в сердцах обеими руками по столу, нажал на кнопку пульта:

– Полковника Глупого ко мне немедленно!

Полковник влетел в кабинет почти мгновенно, и по голосу было заметно, что срочный вызов взволновал его:

– Слушаю, товарищ генерал.

– Без церемоний, Евгений Иванович. Опять Зивелеос. Теперь нагрянул к Абрамову Бору. Пока учёные чешутся с открытием, вы придумали что-нибудь?

– Так точно. Я искал родственников Самолётова, но не нашёл. Он из детского дома. Но я подумал, что Татьяна Иволгина представляет для нас интерес. По нашим оперативным данным, я имею в виду записи разговоров, Самолётов, очевидно, влюблён в неё.

– Всё знаю, – нетерпеливо прервал полковника генерал. – Мы уже обсуждали эту тему. Но Самолётов увёз... ах нет, чёрт, увёз куда-то свою кралу вместе со своей помощницей Марией, вырвав их из рук Скорикова. Что дальше?

– Это верно, товарищ генерал. Но я заметил, что у этой Иволгиной нет больше родственников, кроме бабушки, с которой она жила. И мне удалось узнать, – полковник сделал ударение на слове «мне», подчёркивая свою значимость в этом деле, – что Татьяна очень любит свою бабушку и каждый день звонит ей по телефону.

– Ну и что? Мало ли кого мы любим. При чём здесь Зивелеос? Не будем же мы с ним об этом сейчас философствовать.

– Именно это я и предлагаю, товарищ генерал. Давайте возьмём эту бабушку в заложники и предложим Зивелеосу обмен. Пусть он освободит от изъятия денег Абрамова Бора, а мы освободим бабушку его любимой.

– Тэ-э-э-кс, – протянул генерал Дотошкин. – Это дурно пахнет, но, кажется, единственный выход. Будем это делать или нет, не знаю, но поезжайте за нею и привезите сюда. Я пока посоветуюсь с Казёнкиным. Всё-таки операция пока и на нём висит.

Дотошкину было приятно, когда он узнал, что Казёнкина отстранили от должности в связи с акциями Зивелеоса, но потом он же и предложил оставить отстранённого генерала как бы внештатным ответственным за операцию по ликвидации проблемы с Зивелеосом. Он пояснил министру, что надо быть всё же гуманным, с одной стороны, а, с другой стороны, у Казёнкина большой опыт работы, от которого не стоит отказываться. На самом же деле Дотошкин быстро сообразил, что в случае любой удачи её можно присвоить себе, а в случае неудач их опять же можно будет списать на внештатного Казёнкина.

Войдя в свой бывший начальственный кабинет, Казёнкин с неудовольствием прошёл к столу, где обычно сидели его подчинённые. Но Дотошкин остановил его, приглашая жестом сесть на диван и информируя без преамбул:

– Алексей Фомич, очередная неприятность. Зивелеос, или точнее Самолётов, продолжает наглеть. Сейчас находится у Абрамова Бора на даче. Понятно, что принёсся за очередными деньгами. Мы думаем прижать его вот чем. Я послал полковника Глупого взять на квартире бабушку этой певицы Иволгиной, которую спас Зивелеос, и в которую, как выяснилось, он влюбился. Думаю, если вы по старой памяти свяжетесь с Самолётовым и предложите отстать от Абрамова Бора, а в обмен получить бабушку его любимой, то он не откажется. Как вы думаете?

Вопрос застал Казёнкина врасплох. Он задумался.

– Алексей Фомич, у нас нет времени думать.

В это время раздался звонок телефона. Казёнкин по инерции дёрнулся к аппарату, но Дотошкин опередил его и нажал кнопку громкой связи. Секретарша доложила, что звонят из банка Абрамова Бора.

– Соедините! – коротко бросил Дотошкин.

Тут же из динамика донеслось:

– Товарищ генерал, только что звонил Борис Абрамович и просил срочно выполнить перечисления одного миллиарда рублей по нескольким счетам. Мы подготовили документы и повезли ему на подпись. Мы уверены, что это по приказу Зивелеоса, но послушаться не имеем права.

– Нам это известно, – проговорил Дотошкин и, отключив телефон, многозначительно посмотрел на Казёнкина.

– Ладно, – тяжело вздохнув, сказал генерал в отставке. – Значить так. Я позвоню сейчас Боре. Он может передать трубку Самолётову, и я сообщу наше предложение. Но он может сказать, что сейчас же прилетит к нам и сам возьмёт нас в заложники.

– А мы ответим, что находимся в другом месте. В конце концов, мы можем звонить и не из кабинета, а из машины, что правильно. Давай, так и сделаем. Всё равно нам с Глупым в дороге надо встречаться.

– Точно. Поехали. Фиг он нас на дороге найдёт. Только надо звонить, когда возьмём бабушку.

Надежду Тимофеевну Иволгину нашли быстро. Она была дома. Полковник Глупый тут же сообщил об этом по рации. Дотошкин приказал посадить женщину в машину и ехать им навстречу. Генерал Казёнкин набрал номер мобильного телефона Абрамова Бора.

В ворота дачи въехала голубая машина марки «ниссан». Её сразу направили в сад к огромной ели. Объехав большой бассейн, машина остановилась возле хозяина. Дверца открылась, и женская рука протянула из машины папку с документами. Абрамов Бор взял папку дрожащей рукой и положил на стол. В этот момент зазвонил его мобильный телефон. Взяв трубку, он посмотрел на высветившийся номер звонившего и не знал, радоваться ему или ещё больше расстраиваться. Поднеся трубку к уху, услышал:

– Я хочу говорить с Самолётовым. Это важно для него.

Абрамов Бор скривил губы в кислой улыбке и протянул трубку Зивелеосу:

– Просят вас. Говорят, очень важно.

– Кто просит? – спросил Николай.

– Генерал Казёнкин, как я понял.

– Спросите, что он хочет. Я вам доверяю вести разговор.

Абрамов Бор хотел передать слова Зивелеоса, но услышал в трубке:

– Не повторяйте. Он громко говорит, и я хорошо слышу. Передайте, что у нас бабушка Тани Иволгиной Надежда Тимофеевна. Мы согласны позволить ей спокойно вернуться домой, если Самолётов оставит вас в покое и уберётся к себе. Хватит заниматься терроризмом.

Абрамов Бор испуганно повторил сказанное генералом.

– Вот как? – изумлённо воскликнул Николай. – Я Зивелеос! Мне ставят условия. Только глупые генералы могли такое придумать. Да, мне дорога эта женщина. И идея взять её под арест дорого обойдётся авторам идеи и её исполнителям. Но сначала, Борис Абрамович, скажите мне быстро, кого вы сейчас ожидаете. Меня вывели из себя, и я не стану больше философствовать с вами.

Николай достал свою трубку и направил её на стол, где опять лежала недокуренная сигара. Через секунду сигара разлетелась на две половинки, а в деревянном столе образовалось круглое отверстие, как от пули.

– Видели? – прогремел Зивелеос. – Продырявлю вас, если будете молчать. Считаю до трёх. Раз...

– Премьер обещал.

– Когда?

– Через пять минут должен быть.

– Охрана, слышите меня? Пропустить машины без задержки и информации обо мне. Если машины не въедут, считайте, что вы здесь не работаете по причине полной инвалидности. Шутки кончились. И вы, Алексей Фомич, тоже меня слышите по телефону. Так вот вам придётся сейчас объяснять своё поведение премьер-министру. Если через пять минут я не услышу, что Надежду Тимофеевну повезли домой с извинениями, считайте, что ваших жён тоже дома нет. Вы всё напутали, господа военные террористы.

В машине Дотошкина шло летучее совещание.

– Катастрофа! – прошептал Казёнкин, слушая голос Зивелеоса. – Во-первых, туда едет сам премьер. Вы знали об этом, Сергей Сергеевич? Нет? Почему он вас не предупредил? Во-вторых, он грозит захватить наших жён. Вы понимаете? Он ведь всё может. А мы ничего. И он захватит сейчас в заложники премьера. Да нас расстреляют после этого. Нужно немедленно освободить Иволгину. Дайте команду полковнику, пусть немедленно везёт её домой с извинениями. Иначе нам с вами конец.

– Спокойно! – оборвал, наконец, тираду Казёнкина Дотошкин. – Без истерики. Он включил рацию. – Я третий. Немедленно свяжитесь с первым и сообщите, что необходимо срочно изменить пункт назначения. Там опасно. Зивелеос. Пусть возвращаются. И доложите об исполнении.

Дотошкин посмотрел на Казёнкина, который напоминал чем-то побитую курицу, и подумал, что не зря всё-таки его отстранили от руководства. В критических ситуациях он действовать не умеет. Взял мобильный телефон и набрал номер полковника. По рации связываться не стал, понимая, что голос по рации слышен и тем, кто сидит рядом. Получив ответ, тихо и спокойно сказал:

– Евгений Иванович, отвезите даму домой и извинитесь за беспокойство. Скажите, что произошла досадная ошибка. Очень извинитесь, потому что, благодаря вашей идее, мы с вами сейчас на грани полного банкротства. Учтите.

Не успел он нажать кнопку отключения разговора, как включилась рация. Дежурный сообщил, что машины с премьером и его охраной получили информацию почти перед самыми воротами и, не въезжая, повернули назад. Теперь они далеко.

Дотошкин вытер со лба выступивший пот. Он боялся, что по рации сообщат что-то страшное. Облегчённо вздохнув, сказал дежурному:

– Спасибо, дорогой. Я у тебя в долгу. Позвони теперь Абрамову Бору по мобильному, извинись за премьера, скажи, что он сегодня приехать не сможет, так как другие дела отвлекли.

Только теперь Дотошкин обратился к Казёнкину, который всё понял и радостно улыбался.

– Алексей Фомич, прошу теперь вас позвонить Абрамову Бору и сказать, что Иволгина уже отправлена на машине домой, как просил Зивелеос. Скажите, что просто получилось недопонимание. Мы хотели договориться по-человечески, но, видимо, перегнули палку. Нельзя было брать бабушку.

Под елью на даче все замерли в ожидании появления машин премьера. Если бы не высокий воротник, скрывающий часть лица Николая, можно было бы заметить, как играли желваки под кожей от напряжения. Пересилив себя, Зивелеос произнёс ровным голосом:

– Пока суть да дело, вы подписывайте документы, Борис Абрамович. Уверяю вас, что и приезд премьера не изменит моего решения. Вы, надеюсь, это поняли. Так что подписывайте и отпускайте своих сотрудников.

Абрамов Бор раскрыл папку, когда зазвонил мобильный телефон, лежавший теперь на столе, а не в футляре на поясе. Звонили из администрации премьера с извинениями о том, что визит премьера не состоится.

Абрамов Бор не смог скрыть свою радость, сообщая об этом Зивелеосу. Николай равнодушно ответил:

– Ну что ж, тем лучше для него, хотя странно, что сообщили об этом в последнюю минуту. У меня не было в плане встречаться с ним сегодня. Меня сейчас интересует другое сообщение. – И в эту минуту Абрамов Бор опять взял зазвонивший телефон. На связи был генерал Казёнкин, сообщавший о возвращении домой Надежды Тимофеевны.

– А это уже другое дело, Борис Абрамович. Значит, всё встало на свои места. Подписывайте бумаги и будем прощаться. У меня ведь тоже много дел, как вы понимаете.

Лысая Гора

Иван Иванович Особый был обычным лесником Зареченского района, работу свою любил, претензий ни к кому особых не предъявлял. Ездил себе по лесу на своём иноходце, убирал с дорог и троп падающие изредка деревья, выполнял плановую пилку, наблюдал, чтобы туристы аккуратнее обращались со своими кострами и не забывали гасить их водой перед уходом, заглядывал к рыбакам-любителям, подмечая, не ставят ли они браконьерские сети, превращаясь в хищников-истребителей не такого уж богатого рыбного населения подмосковных рек да озёр. Рыба, конечно, есть: ёршики, окуньки, плотвички, караси, краснопёрки. Опытным рыболовам попадают лещи, щуки, судачки. Сам Иван Иванович любил тоже посидеть у речки с удочкой или побродить в поисках грибов: лисичек и белых да осенних опят на сковородку, груздей и рыжиков на засолку. Лес любит тех, кто к нему уважительно относится, и показывает все свои богатства. Иван Иванович это понимал и с лесом дружил.

Начинался грибной сезон, и народу в лесу по выходным дням становилось всё больше и больше. Голоса дроздов, грачей, соек и шумливых синичек перекрывались криками перекликающихся собирателей грибов и ягод.

Иван Иванович, неторопливо понукая иноходца, двигался по дороге, поднимаясь по Лысой Горе. Лысой гора звалась издавна потому, что на самой её вершине в окружении сосен и елей развернулась во всю ширь большая круглая поляна, действительно напоминавшая лысину на голове старого человека. Но какое же надо иметь воображение народу, чтобы гору назвать лысой, когда выглядит она, таким образом, лишь при взгляде на неё с большой высоты, а не тогда, когда выходишь на вершину, утопая в высоких травах и теряясь в кустарниках? Назвали гору Лысой в те времена, когда самолётов или вертолётов и в помине не было. Это ж кому пришлось в голову взлететь своим воображением высоко над лесом, чтобы представить себе этот невысокий в общем-то, но выступающий над всем лесом холм головой с лысиной?

На поляне когда-то была метеорологическая станция, но её давно забросили то ли по причине нехватки денег на её обслуживание, то ли штат службы сократили в связи с совершенствованием техники. Раньше можно было встретить на поляне сотрудников метеослужбы, снимающих показания с приборов, посидеть с ними в небольшом домике, попить принесённый в термосе чай, поболтать о прогнозах погоды, посмеяться над ошибками в них. Потом стало неинтересно сюда ездить, так как говорить было уже не с кем. Так что пару лет Иван Иванович сюда вовсе не заглядывал. Всё недосуг был. Сейчас вот решил глянуть, что там и как. Его участок всё же.

Поднявшись к самому верху холма, когда уже сквозь строй деревьев просматривалось открытое пространство, иноходец вдруг, фыркнув, остановился. Иван Иванович недовольно цокнул:

– Ну, ты, двигай! Что стал, чучело?

Но чучело, имя которому на самом деле было Красавец, переступал с ноги на ногу, как полагается иноходцам, с задней правой на переднюю левую и с задней левой на переднюю правую, но вперёд не двигался и похрапывал, крутя головой.

Нимало удивившись необычному поведению коня, Иван Иванович соскочил на землю, взял верного помощника под уздцы, желая повести его за собой, однако не смог сделать вперёд и шага.

– Тьфу пропасть! Что за притча? – проговорил он сам себе. – Ноги не идут, словно чугунные.

Он похлопал коня по шее, приговаривая:

– Ничего, Красавец, не тушуйся. Тут ведьма какая-то нас держит. Поедем с другой стороны.

Взобравшись неторопливо в седло, Иван Иванович повернул коня обратно, и вскоре, найдя тропу, они двинулись в обход. Но и там, добравшись почти до вершины, Красавец, действительно выглядевший таковым, благодаря стройным ногам, элегантно вытянутой шее и без единого пятнышка шоколадному окрасу тела, остановился.

Подъём по тропе был и в самом деле несколько крутоват, но не для коня же, ходившего и переходившего километры со всякими подъёмами и спусками.

Из кустарника на тропу вышла женщина с корзиной. Острый глаз Ивана Ивановича сразу заметил сыроежки, волнушки, белые грузди.

– Не богат урожай-то, – прокомментировал он.

– Да только начала собирать, – смущённо ответила женщина, выпрямляясь. – Хотела на поляну Лысой Головы выйти, да ноги не несут. Устала видно. А там, я помню, когда-то маслята в эту пору росли. Но, видно, постарела я, не могу подняться.

– Ты ещё молода, чтоб старушничать, – буркнул Иван Иванович и стал разворачивать коня, направляя его вниз, чтобы освободить дорогу женщине.

Та попыталась пойти тропой вверх, но тут же остановилась, вздыхая:

– Нет, тяжелеют ноги. Не могу идти вверх. Устала. Придётся внизу собирать.

Иван Иванович, ничего не говоря, поспешил домой. Здесь он сменил коня живого на железного, то есть сел на трактор, которым пользовался изредка для расчистки лесных завалов и вывоза брёвен. Торопился, чтобы успеть до темна. Трактор машина не быстрая, тем более что старенький, десятка три лет трудился. Но дни ещё были длинными, так что добрался к вершине Лысой Головы засветло. Подъехал к тому же месту, где остановился Красавец, и, словно зная об этом, трактор стал здесь же. Мотор работает, всё вроде нормально, а движения вперёд никакого, ни тпру тебе, ни ну, как с конём.

«Чертовщина какая-то», – подумал Иван Иванович и повернул трактор домой.

Об этом случае скоро заговорили в Зареченке, а оттуда пошло и дальше. Как оказалось, многие пытались подняться на вершину Лысой Головы, и все думали, что ноги не несут. Кто-то сокрушался об этом дома, кто-то быстро забывал, набрав грибы внизу, а иные не решались признаваться ни себе, ни тем более другим, что сил не достало преодолеть такую небольшую высоту. Только узнав о том, что лесник не смог взобраться на поляну трактором, все по-настоящему стали удивляться и вспоминать свои собственные ощущения. Заговорили и о нечистой силе. Деревня есть деревня. Слухи поползли один страшнее другого. Идти на Лысую Голову стали просто бояться.

Прослышал об этом кто-то из журналистов. Примчался на машине. Не пытаясь даже проехать на удивительный холм, собрал рассказы и так же быстро умчался. А через день в газете «Вралька сегодня» появилась большая статья о чудесах Лысой Головы с фотографиями некоторых жителей деревни Зареченки, на одной из которых был запечатлён и лесник Иван Иванович, сидя на тракторе, удивлённо разводящий в стороны руками. В тот же день статья появилась и в Интернет-журнале «Литературная вралька».

Выдали ветки

Генерал Дотошкин пришёл в Академию наук и попросил академика Сергеева собрать не самых именитых академиков, составлявших президиум академии, а только тех специалистов, кто может помочь в разгадке тайны Зивелеоса. Собственно говоря, работать над этой темой поручили всем и каждому, но чем может помочь, скажем, академик, занимающийся археологией или архитектурой? Тут нужны были физики, химики, психологи, математики, медики и филологи на худой конец, которых просили разгадать значение слова «Зивелеос», но не специалисты же в сельском хозяйстве или знатоки железнодорожного транспорта.

В овальном зале Академии наук, заняв своими телами мягкие кресла с удобными подлокотниками, на которые можно было опереть локтями в раздумье учёные головы, собрались нужные для беседы маститые остепенённые важными званиями люди, а так же генерал Дотошкин и только что бывший майор Скориков, на плечах которого красовались новенькие погоны подполковника.

Дело в том, что полковник Глупый за его идею с захватом бабушки в качестве заложницы, признанную на оперативном совещании глупой, сразу же был отстранён от всех дел и ему предложили подать в отставку, назначив на его место майора Скорикова, проявившего себя значительно лучше в оперативной работе.

Казалось бы, что и генерала Дотошкина следовало бы по той же причине уволить с занимаемого руководящего поста за поддержку глупой идеи, но это было бы верным только в понимании лиц, не сведущих в так называемых дворцовых играх. На практике всё произошло наоборот. Сомневавшегося в идее генерала Казёнкина, успевшего проштрафиться на начальном этапе появления Зивелеоса, Дотошкин предложил отправить в отставку навсегда, поскольку именно он нёс ответственность за операцию по ликвидации Зивелеоса, которая чуть было не завершилась захватом в заложники премьер-министра правительства. Тогда как именно Дотошкин своими быстрыми действиями сумел предотвратить трагедию, за что и был тут же повышен в звании, став уже не генерал-майором, а генерал-лейтенантом. Так что на совещание в Академию наук Дотошкин прибыл в погонах с двумя звёздами на каждом. А это не прошло мимо внимания присутствовавших, которые начали заседание с того, что подходили и поздравляли нового генерал-лейтенанта. Он скромно пожимал руки и предлагал всем поздравить и его коллегу подполковника Скорикова, у которого тоже прибавилась звёздочка, может быть поменьше, но всё же важная.

Генерал Дотошкин сам же и начал заседание, сообщив академикам, что собрались сегодня по его личной просьбе, чтобы обсудить создавшееся положение, при котором Зивелеос чувствует себя полным хозяином положения и угрожает сегодня практически всем. В подтверждение своих слов генерал попросил продемонстрировать кадры видеонаблюдения на даче Абрамова Бора, где камерами были зафиксированы все действия Зивелеоса от момента его появления до исчезновения. Видеозапись сопровождалась и синхронной записью звука. Для чего и как была установлена звукозапись, генерал объяснять не стал, но никто пока об этом и не спрашивал. Всем показалось это естественным, а в данной ситуации крайне необходимым.

Особое напряжение возникло у присутствующих на заседании, когда на площадке у стола должен был появиться глава правительства и стало ясно, насколько близка была опасность захвата Зивелеосом премьер-министра.

На заключительных кадрах можно было видеть, как Абрамов Бор подписывает банковские документы, передаёт их в машину, отправляющуюся незамедлительно в банк, и затем отлёт Зивелеоса.

Фактически эта видеозапись оказалась первым документальным материалом, который позволил учёным увидеть Зивелеоса, и судить о нём не по рассказам очевидцев, не понимавших, что происходит, а увидев это чудо собственными глазами.

По окончании демонстрации записи генерал-лейтенант скромно добавил, что благодаря его личному оперативному вмешательству, машины премьер-министра и его охраны повернули назад, не доехав нескольких метров до ворот. В реальности машины остановили своё движение за километр до дачи, как выяснилось позже, но это уже были детали, не имевшие особого значения.

Учёных же заинтересовало совсем другое. Они вежливо поблагодарили Дотошкина за информацию и попросили снова показать видеозапись, останавливая её на отдельных местах с выполнением максимального увеличения.

– Стоп! – скомандовал Сергеев, как только в кадре появилось белое облако. – Увеличьте. Обратите внимание – мы видим только белый кокон. Он не просто белый, если присмотреться, а ярко-белый. Мы теперь знаем, что там человек. Кокон, а это не что иное, как спрессованное энергетическое поле, через которое ничто не может проникнуть внутрь. Из него всё видно, зато внутри мы ничего не видим. Это понять можно. Свечение идёт изнутри очень ярко. У нас в легковых машинах делают окна тёмные, сквозь которые легко просматривается всё, что находится снаружи, не позволяя видеть то, что внутри. Здесь картина иная. Давайте дальше.

Как только кокон приземлился и появилась фигура Зивелеоса, опять послышалось:

– Стоп! Увеличить.

Фигура Зивелеоса выросла во весь экран.

– Прекрасно, – продолжал комментировать Сергеев. – Наконец-то мы видим это чудо во всей красе и подробностях. Теперь мы знаем, что это журналист Самолётов. Его фото нам всем уже показывали. Здесь он, конечно, существенно крупнее. Но, как мне кажется, дело, прежде всего, в платформах на ботинках. Они, вероятно, выполняют роль компрессора энергии или её трансформации от более мощного источника. Мы пока можем лишь предполагать.

Костюм типа комбинезона, безусловно, теплостойкий, но не это главное. Обратим внимание на воротник. По-моему, это несколько модернизированный ларингофон для усиления и некоторого искажения голоса. Это не самое сложное. Главное, что остаётся для нас загадкой, каким образом происходит компрессия энергии, и о какой именно может идти речь, если здесь использован принцип компрессии, в чём я почти убеждён. Давайте посмотрим дальше.

На экране Зивелеос лёгкими шагами подошёл к столу и сел в кресло.

– Стоп! – почти закричал возбуждённо академик. – Назад! Покажите в замедленном варианте с момента подхода к креслу. Меня интересует, как он садится. Покажите помедленнее.

Кадры вернули назад. Зивелеос снова подошёл к креслу и начал садиться.

– Стоп! Дайте крупнее! – сказал академик восторженным голосом и стал объяснять свой восторг. – Я хотел увидеть, каким образом он садится, потому что поле вокруг Зивелеоса всё отталкивает, поэтому он не может практически ничего взять и ни на что сесть. Так теоретически должно быть. Но он спокойно садится. Вы видите его согнутую в посадке фигуру. Однако обратите внимание на ветки ели над ним. Нижняя ветка опустилась чуть ли не на голову ему. Почему? Ведь она была только что выше. Это может означать только одно, что, садясь в кресло, поле отключается. Когда он сядет, ветка поднимется, потому что сразу же будет включено поле защиты. Попробуйте показать этот момент с начала в нормальном режиме. И прошу всех внимательно смотреть на ветки.

Кадры подхода Зивелеоса повторили. Теперь все заметили, что при подходе его к креслу ближняя ветка слегка отклонилась и приподнялась, затем опустилась, когда он сел, и снова взлетела выше, словно её подпёрли снизу.

– Сергей Сергеевич! – воскликнул академик Добров. – Получается так, что мы наблюдаем разгаданную вами особенность поведения Зивелеоса. Он отключает поле при необходимости контакта с другими предметами. Это же мы должны увидеть, когда он положил свою записную книжку перед Абрамовым Бором. Давайте просмотрим этот эпизод, глядя на ветки.

И действительно теперь все заметили, что только в тот момент, когда Зивелеос достал из кармана записную книжку и стал протягивать её к столу, ветка ели вновь опустилась, едва не задев шляпу Зивелеоса, но тут же поднялась, когда книжка оказалась на столе.

Академики заулыбались. Одна загадка была разгадана. О-о! Наблюдательности академика Сергеева можно было позавидовать. Генерал Дотошкин с этим не мог не согласиться. Но, если учёных обрадовало обстоятельство открытия одного из секретов изобретения их коллеги с точки зрения науки, то генерала заинтересовал другой аспект. Он подумал о том, что в таком как раз случае, когда Зивелеос хочет войти в контакт с кем-то или чем-то, а это можно специально организовать, этот неуязвимый человек становится беззащитным, то есть секунду или больше оказывается обычным человеком, подверженным внешнему воздействию. Вот что можно использовать в борьбе с ним. Дотошкин был военным человеком и мыслил по-военному.

– А вы заметили, – спросил кто-то из академиков, – что трава вокруг кресла, в которое сел Зивелеос, отклонилась, как от воздушной подушки? Между тем как трава под креслом осталась без движения. Давайте прокрутим момент посадки ещё раз.

Прокрутили и увеличили кадр. Теперь все заметили и эту деталь.

– Я думаю, – сказал Сергеев, – что всё, с чем соприкасается Зивелеос, оказывается в поле его защиты, которая напрямую связана с землёй, как с магнитом.

– Но только когда он на ней стоит или сидит, – добавил Добров. – Потом ведь он взлетает, отрываясь от земли.

– Это верно, – согласился Сергеев. – А кто заметил, что Зивелеос не захотел брать трубку телефона у Абрамова Бора? Он очень осторожен. Это умный человек. Недаром работает журналистом.

– А во время его выстрела по сигаре, – добавил один из молчавших до сих пор академиков, – тоже ведь ветка ели над головой качнулась. Видимо, и в это короткое мгновение поле отключалось. Словно всё взаимосвязано автоматикой.

Попросили повторить и этот эпизод, чтобы проверить, не от ветра ли качнулась ветка. Но замедленный просмотр показал, что остальные ветки были без движения, и лишь та, что была над головой Зивелеоса, вздрогнула во время выстрела из трубки, так как поддерживалась энергетическим полем, отключившимся в момент выстрела.

Академики стали восхищённо обсуждать обнаруженный феномен. Им явно нравилось открытие.

Ключ есть, но нет двери

Генерал-лейтенант Дотошкин слушал академиков, не вмешиваясь в разговор и делая для себя свои военные выводы. Но то, что сказал один из долго молчавших академиков, заставило его вскочить на ноги. А тот заговорил неожиданно на другую тему.

– Сергей Сергеевич, позвольте мне слегка отклониться от взятого направления дискуссии. Как я понимаю, мы используем сейчас нечто вроде метода мозговой атаки, когда не возбраняется выдвижение любых теорий, даже кажущихся несусветными. Я не знаю, читали вы или нет, но у меня в кармане лежит газета «Вралька сегодня», в которой опубликована статья о явлении, прямо скажем, невероятном, но, по-моему, чем-то напоминающим то, о чём мы сейчас дебатировали. Не буду читать всю статью, которая названа «Загадка Лысой Головы», поскольку журналист явно фантаст по натуре и к вранью, собранному им на месте, добавил много своего. Но суть материала сводится к следующему. В Подмоскovie недалеко от села Зареченка есть холм, названный Лысой Горой. Какой-то местный лесник хотел проехать по своим служебным делам на вершину горы на своей лошади, но та, дойдя почти до вершины, отказалась дальше идти. Он объехал на ней гору с другой стороны, но и там лошадь на поляну не пошла. Лесник сам хотел пройти, но ноги его дальше не несли. Журналист выяснил, что и другие жители, собирая грибы, пытались выйти на поляну, которая зовётся лысиной, но все они у самого верха ощущали такую усталость в ногах, что не могли попасть на эту поляну. Короче говоря, журналист описывает некую потустороннюю силу, не позволяющую никому подняться на вершину горы, которая на самом деле является обыкновенным холмом.

Вы спросите, какое это имеет отношение к нашему разговору, и я отвечу. Мы до сих пор не знаем, где находится наш старый коллега Наукин. Он как сквозь землю провалился два года тому назад. Вот я и подумал, прочитав эту статью, не мог ли наш уважаемый Тарас Евлампиевич обосноваться на этой горе и окружить себя таким же энергетическим полем, как Зивелеоса. Не можем же мы поверить в чужь существования потусторонних сил, тогда как факт непопадания на поляну Лысой Головы подтверждают многие жители.

Генерал вскочил.

– Где эта газета? Кто автор? Это очень и очень важно.

Поднялись с кресел и другие участники дискуссии. Газета пошла по рукам.

Академик Сергеев попытался навести порядок, увещевая собравшихся:

– Коллеги, коллеги, нельзя же так. Отдайте газету генералу. Тем более что, как мне только что сказал Виктор Степанович, он прочитал этот материал не только в газете, но сразу же нашёл его и в Интернет-журнале «Литературная вралька». Автор явно гонится за сенсацией, делая себя популярным. Но на такие материалы сейчас люди не так падки, как раньше. Для нас же это представляет интерес именно потому, что мы не верим в сверхъестественное, а ищем за выдумками реальные факты.

Спокойная речь председателя заставила всех сесть на свои места, а он продолжал:

– Я предлагаю вот что. Не откладывая дело в долгий ящик, наш уважаемый генерал, извините, генерал-лейтенант Дотошкин достаёт завтра вертолёт, и мы летим с ним на эту поляну по воздуху, раз туда невозможно, как пишут в газете, попасть по дороге. Там мы посмотрим, что это за поляна, и сделаем какие-то выводы. Как вы смотрите на это, Сергей Сергеевич.

Генерал, уткнувшись в газету, всё же внимательно слушал своего тёзку академика и ответил мгновенно:

– Полностью с вами согласен. Завтра на десять утра назначаем вылет. Я оповещу вас, откуда летим. Мы ведь не знаем сейчас даже, где находится эта гора и где эта деревня. Но это я сейчас же выясню. Надеюсь, что полетим всем нынешним составом. Я организую вертолёт

МИ-8. Он, во-первых, самый надёжный, а, во-вторых, в нём много места и хорошо всем будет видно из окон.

– Только, Сергей Сергеевич, не забывайте, пожалуйста, что у нас высказана пока лишь гипотеза. Вполне может оказаться, что весь рассказ – это выдумка журналиста. Сегодня таких выдумок полно. Однако если в этой выдумке есть доля правды и она связана с Зивелеосом, то можно считать, что у нас появляется ключ к разгадке.

После совещания все академики бросились в свои кабинеты к компьютерам открывать карты, искать деревню Зареченку и читать внимательно статью, которую отдали генералу. А генерал, выходя с подполковником Скориковым из академии, на ходу распоряжался:

– Александр Васильевич, я сегодня и завтра буду заниматься учёными. Вы всё слышали и потому объяснения долгие не требуются. Ваша задача земная. Сейчас же найдите, где эта деревня. Поезжайте туда и выясните, ездят ли машины к этой горе. Если там действительно обосновался этот Наукин, то не летает же он там невидимкой. Наверное, продукты нужно завозить, научное оборудование, если он занимается наукой. Короче, движение какое-то должно быть, если там что-то есть. И обо всём звоните мне в любое время дня и ночи, если что-то есть, конечно.

Следующим утром все собрались в Шереметьево на специальном вертодроме. Их в Москве было не так много, а шереметьевский оказался ближе всего к деревне Зареченка. К этому времени Дотошкину успел позвонить подполковник Скориков и сообщить весьма ценную информацию. Он рассказал не только, где именно расположена деревня, но и то, что по лесной дороге в сторону Лысой Горы жители деревни замечали несколько автомашин, преимущественно легковых, проезжавших, как правило, в тёмное время суток, но изредка случалось видеть и грузовой транспорт с каким-то строительным материалом. Никто на это не обращал внимания, поскольку массового характера это не носило и могло быть обычной случайностью, когда водители просто сворачивали в лес ненадолго передохнуть.

Связывался Скориков и с метеослужбой Москвы, где его проинформировали о том, что небольшая метеостанция в районе деревни Зареченка интереса пока для них не представляет и после вывоза всего оборудования была законсервирована, а точнее заброшена.

Ровно в десять утра (командир экипажа утверждал, что никогда ещё не опаздывал с вылетом) все пассажиры сидели в салоне вертолёт, который не взлетел в это время, но включил двигатель, и мощные лопасти огромного пропеллера сначала медленно, а потом всё быстрее и увереннее стали разгонять из-под себя пыль, облаками разлетающуюся в разные стороны. Слушая внимательно ровный звук мотора, убедившись в том, что никаких сбоев или подозрительных шумов нет, командир нажал на рычаг, и машина, слегка приподнявшись, вдруг наклонилась носом вперёд и понеслась, будто желая резко клюнуть землю, но не клюнула, а пошла резко вверх, выравниваясь в полёте. Командир любил лихо взлетать.

Через несколько минут после взлёта командир открыл дверцу кабины и пригласил генерала сесть на небольшой стульчик между ним и вторым пилотом. В кабине, почти полностью состоящей из стекла, обзор был несравненно лучше, чем из салона с маленькими круглыми окошками-иллюминаторами. Ещё пять минут лёта – и командир, протянув руку перед собой, прокричал почти в ухо генералу:

– Вон она гора. Я сейчас снижусь, и мы зависнем над поляной.

– Нет-нет, – не согласился Дотошкин. – Сначала давайте пролетим над этой лысиной, но, если можно, не так быстро и как можно ниже.

Генерал обернулся и отворил дверь в салон, говоря учёным:

– Смотрите, пожалуйста, внимательно. Подлетаем к объекту. Сначала пролетим без остановки, а потом развернёмся.

Вертолёт замедлил движение и опустился почти на уровень верхушек деревьев, окружавших поляну. Дотошкину хотелось буквально вынырнуть из-за елей, что оказалось бы полной

неожиданностью для обитателей поляны. Но тут произошло неожиданное для пилотов. Вертолёт, будто подхваченный сильным потоком, понесло вправо и задрало нос кверху. Перепуганный командир отвернул машину вправо, и она стала удаляться от поляны.

– С вашим экспериментом нас чуть не опрокинуло, – взорвался было руганью командир вертолёта, но тут же взял себя в руки и чуть спокойнее, хотя по-прежнему сердитым голосом добавил:

– Не знаю, что тут у вас, но это чёрт знает что! У меня такое в первый раз. А могло быть и в последний.

Генерал сам был перепуган насмерть. Тяжело дыша, он повернулся к учёным, повалившимся друг на друга от внезапного крена вертолёта. Вертолёт не был оборудован креслами, так как предназначался для перевозки грузов, а для пассажиров откидывались длинные скамьи вдоль бортов. При виде испуганного лица генерала, усаживающиеся в нормальное положение учёные, едва ли не хором спросили:

– Что случилось?

– Я-то не понимаю, – сердито ответил Дотошкин. – И командир не понял, в чём дело. Нас чуть не перевернуло, когда мы хотели вылететь на поляну.

– Кажется, мне ясно, – задумчиво ответил академик Сергеев, сидевший ближе всех к кабине пилота. – Это может быть то самое энергетическое поле. Нельзя подлетать к нему так низко. Поднимайте вертолёт выше. Облака сегодня низкие и плывут же. Давайте пролетим чуть ниже облаков. Не может поле быть бесконечным.

– Что они там говорят? – Спросил командир Дотошкина, так как слова из салона не доходили до его слуха.

– Они просят пролететь над поляной повыше, но чуть ниже облаков, полагая, что там препятствия не будет.

– Вы что, хотите нас всех в гроб загнать со своей поляной? Далась она вам!

Причина таких слов состояла в том, что перед полётом командира не поставили в известность о настоящей цели маршрута, сохраняя в тайне всё происходящее. Ему сказали только, что учёным нужно срочно увидеть поляну.

– И вот ещё что, – мрачно добавил командир вертолёта, обращаясь к Дотошкину, – скажите своим, что у каждого откидного сидения есть пристегиваемые ремни. Пусть все пристегнутся. Я не знал, что будут проблемы, и не сказал раньше. А без них вообще пассажирам летать не положено. Пока буду разворачиваться, всем пристегнуться.

Тарас Евлампиевич, Таня Иволгина, которая после чудесного освобождения от насильников жила на поляне, не представляя дальнейшую жизнь без своего спасителя Николая, и Маша сидели в комнате управления и пили утренний чай. Из динамика пульта доносились детские голоса. Николай в своём костюме был в детском доме. Там ему многое нужно было сделать. Во-первых, показаться ребятам и поговорить с ними. Они давно мечтали об этом. Во-вторых, подтвердить руководству детского дома свою поддержку. В-третьих, появиться в местном банке и убедить не препятствовать денежным операциям, связанным с организациями, помогающим детскому дому в приобретении оборудования, строительстве завода и других нужных делах. Надо было появиться и в администрации района с напоминанием о том, что всё, относящееся к детскому дому, находится под защитой Зивелеоса.

Трое перед пультом вслушивались в голоса, пытаясь зримо представить хотя бы часть происходящего. Зивелеос командовал:

– Глухарь, проверь, нет ли у нас посторонних. Осмотрите крыши и чердаки. Конопатый, расставь посты на воротах и на выходах из зданий. Тина, сообщи директору о моём прибытии. Скажи, что я прошу всех ребят собраться во дворе. Гаврош, доложи пока вкратце обстановку.

Слушая голос Николая, Таня вдруг приподняла голову, прислушиваясь к чему-то другому. Музыкальный голос певицы уловил посторонний шум.

– Кажется, я слышу ритмы далёкого ударника.

– Откуда здесь ударник? – спросил Тарас Евлампиевич, но насторожился.

– Не ударник, но что-то вроде барабанной дробы я слышу вдалеке, – настойчиво сказала Таня. – И не из динамика, а откуда-то снаружи.

– Да, я тоже слышу, – подхватила Маша. – Дедушка, давай выйдем.

– Давайте, – сказал Тарас Евлампиевич. – У меня со слухом похуже. Не тот возраст.

Они вышли на порог невысокого деревянного дома, и до слуха донеслось явно приближающееся тарахтение, о происхождении которого Тарас Евлампиевич сразу догадался.

– Это вертолёт. Его только нам здесь не хватало.

– Почему вы так думаете? – спросила Таня, которая, если и видела вертолёт когда-нибудь, то разве что в фильмах боевиках. Над Москвой эти аппараты появляются редко. А когда Таня с Николаем чуть было не были захвачены вертолётom над Москвой, то оба они находились в тот момент без сознания, и звук вертолётa над головой не привёл их в чувство.

– Эх, девочка, в моих научных командировках я тысячи километров налетал с ними, и звук пропеллера не спутаю ни с чем.

Тарахтящий звук нарастал, приближаясь.

– Он летит со стороны Москвы, – оценивая ситуацию, – сказала Маша. – И летит низко, раз мы его не видим за деревьями.

– Это может быть вертолёт по борьбе с пожарами, – предположил Тарас Евлампиевич. – Но дыма вроде бы нигде не видно. Впрочем, отсюда вообще ничего не видно далеко. Деревья мешают. А так обычно вертолётy здесь не летают. За два года, по-моему, слышу его здесь впервые.

Тем временем приближавшийся звук стал постепенно удаляться.

– Ну, всё в порядке, – облегчённо вздохнув, сказал Тарас Евлампиевич. – Улетает. Но зачем-то всё же прилетал. Любопытно, зачем?

Маша взобралась по лестнице на крышу дома и закричала оттуда:

– Дедушка, он, по-моему, поднимается выше и разворачивается снова в нашу сторону. Я вижу его.

Тарас Евлампиевич с досадой всплеснул ладонями:

– Ну, наверное, так и есть. Он мог натолкнуться на нашу защиту и хочет облететь её.

– Да он приближается.

– Ну что ж, встретим по-нашему, – сказал Тарас Евлампиевич и побежал в дом.

Не прошло и пяти секунд, как над поляной засветился парашютом огромный купол.

Командир разворачивал вертолёт, одновременно поднимая его ввысь. Поляна опять стала видна маленькой лысиной на лесной голове. Издали она казалась белой точкой, но с приближением вертолётa быстро росла. Кучевых облаков в небе было не много, но как раз в районе поляны проплывало одно облако. Под него и направил свою машину командир. Спустя минуту, он саркастически бросил:

– А зря мы летели – на поляне туман и ничего вы не увидите.

Дотошкин даже наклонился вперёд, чтоб лучше видеть, но было понятно, что вся поляна укрыта белым облаком. Он снял с груди захваченный им бинокль, приложил к глазам окуляры, но увидел лишь белое мерцание.

Тут он услышал за спиной голос академика Сергеева, который стоял в дверях кабины и тоже смотрел на поляну:

– Сергей Сергеевич, не позволите ли и мне глянуть в бинокль?

– Возьмите, только ничего не поймёте. Из-за тумана ничего не видно.

– Э-э, не скажите, Сергей Сергеевич. Это многое поясняет, – ответил Сергеев, внимательно глядя на проносящуюся глубоко внизу белую поляну. – Давайте попробуем пролететь

ниже и не по центру поляны, а вокруг неё, не ударяясь в этот туман, разумеется. Его мы не пробьём, как я понял.

Вертолёт перелетел через поляну и, развернувшись, направился вокруг неё. Благодаря такому полёту, все учёные могли наблюдать и фотографировать белый купол через иллюминаторы.

После второго круга академик Сергеев сказал, что можно возвращаться в Москву, так как ничего больше того, что увидели, уже нечего ожидать.

– И что вы скажете по этому поводу? – спросил Дотошкин, перебравшись из кабины пилотов в салон и сев рядом с Сергеевым.

– Первое, в чём я теперь убеждён, это то, что наш коллега Наукин расположился здесь и, как видно, основательно и надолго. Мы, мне думается, нашли ключ к разгадке его изобретения, но не знаем, где находится дверь, которую можно открыть этим ключом. Точно как в сказке о золотом ключике. Нам нужна черепаха Тортилла, которая бы помогла подсказать, где эта дверь.

Генерал Дотошкин насупился и потому, что не настроен был шутить, и потому, что не помнил подробностей сказки о Буратино.

И радость и разочарование

В широкий двор детского дома со всех сторон сбегались дети. Это были и малыши чуть ли не пятилетнего возраста, и ребята, над губами которых начинали проступать усики. Но даже девочки, подумывавшие о ребятах, как о возможных для них мужьях, и те, вопреки должной степенности и строгости, бегом бежали, узнав о появлении у них Зивелеоса.

Николай наблюдал за сбором, отмечая про себя, что малыши гудились кучками, но многие из них прижимались к большим девочкам, которые, как было заметно, опекали их. С некоторыми в центре оказывались и мальчишки. Дети повзрослее тоже держались отдельными группами. Среди них деловито и быстро ходил Конопатый, отсылая ребят парами на посты, о которых говорил Николай. Его слушались беспрекословно. Это был высокий русоволосый парень с большими карими глазами и бессчётным числом мелких конопушек на лице, из-за которых он и получил прозвище Конопатый, что его вовсе не смущало и не мешало всеми командовать.

Гаврош не начал ещё по-настоящему расти, но шустрости его, подвижности и весёлости можно было позавидовать. Кто и почему прозвал мальчугана по имени Петя Гаврошем, Николай не успел узнать, отправляя его сюда из Москвы, но ему при первой же встрече показалось, что этот мальчик и правда похож на маленького героя романа Виктора Гюго, и встреча с ним первым во дворе доставила журналисту большую радость. Его Николай и попросил быстренько доложить о жизни детского дома, пока все собираются.

Вслед за ребятнёй из четырёхэтажного здания школы появились преподаватели, сразу же принявшиеся за организационное построение детей по классам и не решавшиеся почему-то подойти к Зивелеосу. А Гаврош докладывал:

– У нас всё идёт хорошо. Кормёжки хватает. Телевизоры смотрим каждый день. Старшеклассникам поставили в класс компьютер. У директора новая машина. У завхоза тоже ещё одна. Обещают скоро купить автобус и возить всех на экскурсию. Драк почти не бывает. Конопатый придумал тех, кто начинает драться, ставить к позорному столбу, который он нашёл на стройке и поставил на первом этаже школы в коридоре, чтобы все видели. И надпись сам придумал «Позор не столбу, а тому, кто как столб не понимает, где находится и как себя вести». Я тоже там стоял однажды – очень неприятно.

– А ты дрался что ли?

– Было такое. Правда, мы потом поменялись местами с Перекладиной.

– С какой Перекладиной?

– Да это парня у нас так зовут Перекладиной за то, что он худой и длинный, как перекладина турника.

– Так ты его побил?

– Не то чтобы побил, а подрался с ним, за то, что он Катю довёл до слёз, обзывая глупой капустой. Она же не виновата, что такая полная и плохо учится. Её родители били по пьянке, и иногда не разрешали даже в школу ходить. Потом она вообще от них сбежала. Так чего смеяться? Вот я и дал ему под дых так, что он чуть не задохнулся. Откачали его. Конопатый не разобрался и меня к столбу поставил. Позже узнал от Катки, в чём дело, и поставил Перекладину вместо меня, но мне наказал в следующий раз не силой, а словом побеждать.

– Да-а, – протянул Николай, – силён у вас Конопатый.

– Ещё бы. Его и учителя слушают, такой он у нас авторитет. Но я, наверное, пойду. Мне тоже со своим классом строиться надо.

Подбежали Глухарь и Конопатый. Доложили по всей форме:

– Товарищ Зивелеос, посты расставлены.

– Посторонних в республике «Зивелеос» ни в помещениях, ни на чердаках нет. Можно нам в строй?

– Становитесь, – улыбнувшись, сказал Николай.

К нему подходил директор детского дома и заместитель по воспитательной работе. Николай отключил защиту, снял шляпу, очки, усы и поздоровался с руководителями за руку. Затем повернулся к детям и громко (ларингофон продолжал работать) сказал:

– Здравствуйте, ребята! Я с вами! Ура!

– Ур-ра-а! – раздался дружный хор.

И Николай выступил с речью:

– Друзья! С некоторыми из вас я разговаривал, когда мы только начинали создавать эту республику. Но я впервые выступаю перед вами всеми. И я счастлив, что нам с вами удалось создать нашу республику, которую, как мне сказали, вы назвали именем Зивелеос. Но, честно говоря, не то важно, как называть себя, а то, как вам живётся в этой республике и как вы будете жить дальше. Я очень надеюсь, что все вы станете честными людьми и научитесь помогать всем детям не только нашей страны, но подумаете и о детях, которым живётся плохо в других странах. Мир ведь создан на земле для всех людей. Конечно, все сразу не могут стать счастливыми. Но если всем захотеть, если не думать только о себе, то можно сделать так, чтобы все были счастливы.

Вы, конечно, знаете, что у меня есть особая сила. Но я пользуюсь ею не для того, чтобы набить себе карманы золотом. У меня нет своей машины. Нет своей дачи. Нет даже своей квартиры, в которую я мог бы пригласить сегодня гостей. У меня, как и у многих из вас, нет родителей. Вы для меня самые родные. И я сделаю вас счастливыми. У вас есть сегодня еда, есть учебники, чтобы учиться, будут на днях всех компьютеры. Это обещаю вам я, Зивелеос!

– Ур-ра-а! – опять разнеслось по двору.

Николай поднял руку, призывая к тишине:

– Мне хочется, чтобы вы все помогли в этом. Вы сами должны решать вместе с руководством детского дома, куда расходовать деньги, которые вам перечисляют по моему требованию те люди, что сумели ограбить наш народ. Мне кажется, вам нужно избрать совет республики, председатель которого будет иметь право подписывать документы по расходованию денег в графе «согласовано», чтобы вы все знали, сколько у вас денег и куда они идут. Согласны?

– Да-а-а! – закричал дружный хор.

– Я думаю, что у вас найдётся и умный председатель совета, которому вы будете доверять.

–

Конопатый, Конопатый, – донеслись голоса

– Может быть и Конопатый. Это вам решать. А сейчас, к сожалению, мне надо покинуть вас, так как много ещё дел, и, вижу, меня срочно просят ответить по мобильному телефону.

– Ур-ра-а-а! – понеслось по двору.

Николай взял из кармана телефон и приложил к уху.

Звонил Тарас Евлампиевич, требуя немедленно всё надеть и включить защиту.

– Я слышал, – говорил он, – что там обеспечена детская охрана, но ты, Николай, не всё знаешь. К нам только что прилетал вертолёт и не случайно, а специально для зондирования обстановки. Они знают, где мы. Имей это в виду и срочно возвращайся. Надо всё обсудить. Учти, что разговор этот не только для нас.

Это Самолётов знал. Он повернулся к директору:

– Андрей Андреевич, меня вызывают. Надеюсь, из моего выступления вы поняли, что я имел в виду. Я добываю деньги – и не малые – для детей. Это не значит, что вы должны ходить голыми и голодными, но и чувство меры, пожалуйста, сохраняйте. Вы хороший организатор, но если вы и ваши помощники потеряете скромность, мне придётся искать вам замену. Я понимаю, что большие деньги развращают. Чтобы этого не происходило, создадим совет республики. Ну, это вы слышали. Поймите, что здесь ничего скрыть нельзя. Вы на виду не только у ребят, но и у всего мира. Не позорьте, пожалуйста, наше дело. На ваши счета перечислен ещё миллиард. Купите всем компьютеры, установите Интернет, стимулируйте хорошую учёбу и поведение. Об этом мы с вами говорили раньше. Я сейчас только напоминаю. Желаю успехов.

Самолётов быстро надел усы, очки, шляпу, пожал руки на прощание, включил своё защитное поле и, весело помахав всем рукой, взлетел в воздух.

По двору неслось громкое «ура».

Таким героем могу быть только я

В этот раз в гостиной собрались все обитатели поляны. Где бы ни сидел Тарас Евлампиевич, но со своей белой, длинной – до пояса – бородой и давно поседевшей головой, он всегда казался в центре, что и правильно, поскольку он был основным мозгом всего предприятия. Но и другие участники совещания были приглашены сюда для использования в полную силу своих способностей соображать с целью максимального применения других своих возможностей.

Например, дядя Лёша, – иначе его здесь никто, кроме жены Кати, не называл, – был тем, что у нас обычно зовётся, мастером на все руки. Почти всё на поляне было устроено и обустроено его умелыми руками. Он валил деревья, тесал брёвна, строил из них добротные избы, которые соединял широкими коридорами, создавая единый комплекс тёплых и весьма уютных помещений. Все стены и потолки изнутри отделывал новыми отделочными материалами, привозимыми им же из Москвы, благодаря чему одни комнаты напоминали собой современные кабинеты и лаборатории, другие – квартиры, обставленные удобной мебелью. Иностранная сантехника: ванны, душевые, туалеты – приобреталась не для роскоши, а единственно с целью создания комфортных условий для работы учёных, которых не должны были отвлекать и расстраивать бытовые неурядицы.

Так считал дядя Лёша с первого дня пребывания здесь со своей женой Катей, полностью разделявшей его мнение и взявшей на себя обязанности домохозяйки, готовившей вкусную разнообразную пищу, стиравшей бельё в двух стиральных машинах, следящей за чистотой и порядком, для чего тоже было всё необходимое техническое оснащение.

Постепенно дядя Лёша устроил здесь и фермерское хозяйство, привезя однажды тёлочку и бычка, потом нескольких поросят, курочек с петушком и даже пару индюшек. За всем приходилось ухаживать Кате, но от работ на ферме не отказывался никто, если позволяло свободное от дежурства у аппаратов время. Свежее молоко и яйца любили все.

Естественно, всё это пришло и обустроилось не сразу. Дядя Лёша был младшим братом той самой племянницы Тараса Евлампиевича, которая вдали от этих мест получала по доверенности пенсию Наукина, но решительно не знала, или так только говорила, где находится её очень умный дядя. А когда сотрудники ФСБ докопались до её родного брата, то и о нём она ничего не могла сказать определённого, кроме того, что тот уехал со своей женой и дочерью на север чуть ли не за полярный круг на заработки и писем никаких не присылает. А дочерью была та самая Маша, двоюродная внучка Тараса Евлампиевича, окончившая биологический факультет Московского университета и с удовольствием помогавшая своему дедушке в осуществлении всех его гениальных, по её мнению, замыслов.

Это она предложила привлечь на роль летающего человека Самолётова, когда они в очередной раз читали статью понравившегося им журналиста, и Маша, в шутку сказала, что раз у него такая фамилия, то, может, ему на роду написано летать. Шутка действительно потом обратилась в явь. Более того, Маша полюбила Николая, и тот факт, что ему пришлось по сердцу больше Татьяна, отозвался болью в сердце, но она поняла и то, что только случай необычного спасения девушки заставил этих молодых людей влюбиться друг в друга, а не отсутствие достоинств у самой Маши.

Философски приняв обстоятельства судьбы, обе красивые девушки (Маша, правда, немного постарше) сидели теперь в гостиной рядом, не допуская и мысли о ревности, и искренне подружившись друг с другом.

Но Николай и потом Таня появились на поляне, когда многое уже было сделано. С самого начала Тарас Евлампиевич обосновался в небольшом домике бывшей метеостанции, привёз сюда изобретенное им, но нигде не обсуждавшееся коллегами устройство для приёма и концентрации магнитных силовых линий земли и энергии полярного сияния, окружил поляну спе-

циальным ограждением и подключил защиту энергетическим полем, после чего можно было спокойно выполнять остальные работы, не боясь чьего-то непрошеного вмешательства.

Место было хорошо тем, что здесь был родник, который на первых порах перекрыли, что позволило создать приличный водоём. Дядя Лёша привёз с подмосковного строительного рынка большие листы нержавеющей стали и сварил из них огромный бак. Установив его на специально сооружённом деревянном возвышении, с помощью насоса перекачивали туда воду из искусственного бассейна и через фильтры пускали в домашний водопровод. Так была решена проблема водоснабжения.

Для канализационных отходов дядя Лёша выкопал большую выгребную яму, куда стоки попадали через свои фильтры. Устройство напоминало собой небольшое очистное сооружение, откуда довольно чистая вода стекала в реку руслом того же ручья по крутому склону горы, доступному только альпинистам.

Пищевые отходы в основном шли на корм свиней, а что-то шло в другую яму, служившую компостом для удобрений на огород. Без свежей зелени: петрушки, укропа, салата, без своей капусты, моркови, огурцов и помидоров никто жизни здесь не представлял. Словом, благодаря усилиям и опыту дяди Лёши и его Катерины жизнь на поляне обретала всё больше автономии в плане обеспечения продуктами.

Вопрос электричества был решён после приобретения немецкой ветроэлектростанции с горизонтальной осью вращения. Мощности в пятьсот киловатт вполне хватало для зарядки аккумуляторных батарей и стабильной круглосуточной подачи электричества на все нужды. Пять мачт с генераторами и лопастями были установлены на самом высоком участке поляны подальше от жилого комплекса, чтобы шум вращающихся пропеллеров не очень мешал работе. Это были не самые мощные электростанции. Каждая вырабатывала по сто киловатт, но зато для их работы достаточно было даже слабого ветра, дующего со скоростью два-три метра в секунду. Такой ветер почти всегда ощущался над поляной.

Подземный гараж, автоматически открывающийся въезд в него, подвал для хранения продуктов – всё это было гордостью дяди Лёши, делавшего их так же умело и с любовью, как качающиеся шезлонги, в которых рассаживались обычно обитатели необычного научного центра, когда собирались в гостиной для обсуждения важных вопросов или чтобы расслабиться от напряжённых будней. Работы всегда хватало всем.

Кукушка на старинных часах-ходиках прокуковала шесть раз. Все шесть человек были в комнате без опоздания. Николай только что прилетел из детского дома, успел переодеться и сидел теперь в спортивном костюме, раскачиваясь в расслабленном состоянии.

Тарас Евлампиевич погладил правой рукой бороду и начал:

– Сегодня нашу поляну посетил вертолёт. Сначала можно было предположить, что визит его случаен, однако то, что он дважды облетел вокруг поляны, говорит о том, что прилёт был запрограммирован. Нас хотели увидеть. И вполне понятно почему. Я перед нашим заседанием заходил в Интернет, по привычке набрал в поиске Яндекса «Лысая Гора» и кроме обычной информации о нашей горе обнаружил статью о том, что местный лесник хотел попасть на нашу поляну, но не смог заставить коня идти, приехал с трактором, но тоже не прорвался на нашу высоту. Убеждён, что эта статья и натолкнула кого-то на идею проверить, в чём тут дело. Это говорит о том, что если не сегодня, то завтра наше месторасположение будет определено.

Особо страшного пока ничего в этом нет. Рано или поздно это должно было случиться. Но нам следует в связи с этим принимать ещё большие меры предосторожности при выезде и въезде. Лесная дорога – первый объект, где нас будут стараться ловить. Поэтому машины временно выезжать отсюда не будут. Свежим хлебом и самым необходимым, если чего нет, нас будет обеспечивать Николай.

– Дядя Тарас, – вмешалась Катерина, давно привыкшая называть дядю своего мужа тоже дядей. – Хлеб можно пока тоже не покупать, поскольку у нас есть электрическая хлебопечка и

достаточно много муки, так что я могу, наконец, сама печь вкусный хлеб. А других продуктов Лёша навёз как минимум на полгода, можем жить как в осаде, овощи есть, молоко и яйца есть, что ещё надо?

– Это дело, – обрадовано сказал Тарас Евлампиевич. – В самом деле, дорогой лучше пока не пользоваться, хотя мы и так редко куда выбираемся. Единственное, что мне кажется, нужно сделать срочно, это обезопасить бабушку Тани. Боюсь, что силовики могут придумать ещё какую-нибудь провокацию с нею, и мы не будем знать, где её искать. Кстати, Таня, я давно хотел спросить тебя, кто она по специальности. Не может ли нам здесь пригодиться?

Таня, взволнованная тем, что речь зашла чуть ли не сразу о её бабушке, огорчённо ответила:

– К сожалению, её специальность здесь абсолютно лишняя – она занимается нейрохирургией. Это весьма специфическая деятельность. Вообще-то она доктор наук и преподаёт в медицинской академии кроме этого.

– Не может быть! – изумлённым голосом произнёс Тарас Евлампиевич, соскакивая с кресла-качалки. – Это настоящий подарок судьбы.

– Какой подарок? – спросила Таня.

– Твоя бабушка подарок, если она согласится.

– На что согласится? – Не понимая, о чём речь, но чувствуя что-то важное, тихо спросила Таня.

– Друзья мои! – торжественно произнёс Тарас Евлампиевич, подняв правую руку с направленным вверх указательным пальцем. – Я собирался сегодня поговорить и об этом чуть позже, но ход беседы несколько опередил мои планы. Пока наш милый Николай Степанович занимался экспроприацией экспроприаторов, я тоже не сидел без дела и осуществил свою давнюю мечту: сделал чипы, которые можно вживить в человека, позволив ему быть таким же защищённым, каким ходит наш Коля, но уже без помощи специального костюма. Иными словами, мы можем сделать летающим ещё кого-нибудь, но он уже не будет надевать специальную одежду, кроме платформ на обуви. Они пока необходимы для связи всех чипов в систему и трансформации энергии от нашего центра к летающему герою. Но для осуществления этого проекта нужен именно опытный нейрохирург.

– Таким героем могу быть только я, а моя бабушка вживит мне эти самые чипы, – сказала Таня и тоже встала с кресла.

В ту же секунду все остальные в комнате были на ногах.

– Ты с ума сошла! – закричала тётя Катя. – Девчонка ещё, а туда же, в герои.

– Соображаешь, что говоришь? – возмутилась Маша. – Это же не на концерте выступать.

– Не смей и думать об этом – сказал негромко Николай. – Ты мне нужна живой. А то, что предлагается, очень опасно. Ты даже не представляешь, как это страшно – быть в небе.

– Как же не представляю? – обиженно стала возражать Таня. – А кто тебя просил катать меня ночью над городом? А кто песню запел на высоте, когда нас не удалось схватить Фэ-эс-бэшникам? Тогда я боялась?

– Нет, но ты была со мной.

– И потом я буду с тобой. Ты же не отпустишь меня?

– Не нападайте на девчушку, – вступился за Таню дядя Лёша. – Она дело говорит. Кому, как не молодым влюблённым летать вместе? Я бы сам полетел, но кто же будет за меня хозяйство тут обеспечивать?

– Так, садитесь, дети, – громко перекрикивая поднявшийся шум, скомандовал Тарас Евлампиевич. – Таня умница. Признаюсь, я не подумал о такой возможности, полагая сначала, что всё придётся настраивать на Николая, а его костюм оставить про запас. Но эта идея, как сказал дядя Лёша, летать двум влюблённым вместе, мне кажется замечательной. Они ведь друг

друга никогда от себя не отпустят. Любовь – важнейший фактор в совместной работе и может совершать чудеса. Надо привезти сюда Надежду Тимофеевну для переговоров.

– Нет, Тарас Евлампиевич, – заговорила Таня решительным голосом. – Лучше будет, если мы с Колей слетаем ко мне домой и там я объясню всё бабушке. Она очень умная и всё поймёт. Если согласится, а я уверена, что сумею убедить, то расскажет, как это лучше сделать. Ведь это же, наверное, сложная операция. Тут думать и думать.

– Ну что ты скажешь? – развёл руками Тарас Евлампиевич, – до чего же умная пошла молодёжь! Моей седой бороды не стесняется и дельные вещи предлагает. Согласен. Завтра же всё и сделаем.

– Зачем же завтра, дедушка? Мы же всегда это делаем ночью. А скоро будет темнеть, – подсказала Маша.

– Тыфу ты! Вот голова садовая! Конечно, сегодня. – Тарас Евлампиевич посмотрел ласково на внучку. – Ты тоже у меня светлая головушка. Спасибо! Но до наступления темноты обсудим ещё кое-какие детали, о которых хотел доложить Николай.

Николай начал свой рассказ неожиданно с того, что в детском доме руководство, по словам ребят, тратит деньги на свой комфорт, приобретая себе новые машины и, наверное, многое другое, и это стремление к наживе не остаётся незамеченным детьми и не делает чести тем, кто в первую очередь должен думать не о себе, а о воспитанниках.

– Слаб человек духом в наши дни, – говорил он. – Деньги развращают, когда их много. В сегодняшнем капиталистическом окружении, когда всюду рекламируется стремление к наживе, находить людей, искренне отдающих себя идее равенства и братства, трудно. Приходится думать о контроле. Я предложил ребятам самим взяться за управление нашей республикой. Верю, что это у нас получится. Там есть толковый парень по прозвищу Конопатый. Думаю, он не подведёт.

Затем Николай стал рассказывать о вчерашней встрече с Абрамовым Бором, о результатах которой вчера не успели поговорить подробно, так как главная задача – перевод денег – была выполнена, а всем хотелось поработать на воздухе.

– А что бы ты стал делать, – спросила Маша, – если бы премьер-министр приехал?

– Не знаю. Наверное, тоже раскошелил бы его. Но в заложники бы не брал ради принятия каких-то решений. Всё равно ведь тысячи подписанных его рукой постановлений не выполняются. Ну, не будет он у руля, поставят другого такого же. А возьми я его в заложники, огромное число людей отнеслось бы ко мне, как к террористу. Нет, это не наш метод. Сегодня большинство народа относится к моим действиям одобрительно, несмотря на то, что все газеты и теле-радио каналы вральки оплёвывают меня изо всех сил, называя обыкновенным бандитом.

Я думаю, мне пора появиться перед парламентом.

– Нет-нет. Это ещё рано, – остановил Николая Тарас Евлампиевич. – Ты уже попал в одну ситуацию с появлением в обществе, где чуть не провалилось всё. Хорошо, что удалось спастись. Надо немного повременить с этим. Вот, если подготовим тебе помощницу, о которой никто не должен знать, то, может, с нею, когда она будет на контроле, можно будет поговорить и с депутатами.

– С этим я согласен. Но вот ещё вопрос, Тарас Евлампиевич. Абрамов Бор подчеркнул, что я действую только в пределах Московской области, что они расценивают, как нашу слабость. Некоторые олигархи убираются из Москвы, чтобы не оказаться в моих руках. Что вы думаете по этому поводу?

– Доля правды в этом есть, конечно. Но нам не было необходимости пока расширять сферу влияния. Технически я могу гарантировать твои полёты пока на расстоянии порядка тысячи километров. Это не так уж мало. И мы, пожалуй, покажем миру, что можем работать не только в Москве. Раз они сами задумались над этим, то покажем. А теперь, если у тебя всё, то готовьтесь к вылету. Встреча с Надеждой Тимофеевной очень важна.

Замыслы генерала Дотошкина

Мысли разбегались в разные стороны. Если сам премьер мог оказаться в ловушке Зивелеоса, то какая же трудность для него в том, чтобы захватить жену генерала или любого из высших офицеров командования? Премьер-то ладно, уже в безопасности. Узнав о том, какая ему грозила опасность, он сначала был в таком гневе, что хотел разжаловать Дотошкина, но выслушав подробный отчёт генерала, из которого явствовало, что Дотошкин как раз был героем и спас высокое начальство, тогда как глупая идея полковника Глупого и ответственного за всё генерала Казёнкина едва не стоили жизни главе государства, премьер согласился на отстранение двух последних, а Дотошкина повысил в звании, согласовав этот вопрос по телефону с главнокомандующим, то есть с президентом, отдыхавшим в это время далеко на побережье Адриатического моря в гостях у премьер-министра Италии.

Однако премьер России потребовал от генерала детального расследования, не замешан ли в намечавшемся захвате премьера и Абрамов Бор, обещавший у себя на даче тёплый приём с приятными сюрпризами. Не этот ли сюрприз подразумевал один из богатейших людей мира? Не хочет ли он поменять власть в стране таким способом?

Премьер задал вопросы, расписал поручения своим министрам, отослал свою семью с детьми в Англию, а сам отправился в Сочи для встреч с лидерами ряда других государств на родном берегу Чёрного моря.

Генерал Дотошкин на всякий, как говорят в народе, пожарный случай отправил и свою семью отдыхать в Испанию, что позволяло спокойнее размышлять о дальнейших действиях.

Из вертолётной прогулки к поляне Лысой Головы он сделал для себя один важный вывод: на этой поляне находится учёный Наукин, которого никак не могли найти, и там же, очевидно, расположена база этого неуловимого Зивелеоса. Стало быть, один вопрос с повестки дня снят – не надо искать причину всех бед по всему свету, а достаточно сконцентрироваться на этой поляне.

В этот раз им ничего не удалось увидеть на вершине горы с вертолёта, но это не значит, что там никогда ничего не видно. Можно попросить военных произвести съёмку этого объекта с самолёта или даже спутника, с которого, как говорят, можно увидеть даже спичечную коробку в руке человека. Почему же не воспользоваться такой возможностью?

Заинтересовало генерала и то, что Зивелеос отключает своё защитное поле, если садится или что-то берёт. Этот факт вызвал особенно большой приток мыслей. Он представил себе на минутку, как этот Зивелеос оказывается рядом с генералом, а тот предлагает ему вежливо сесть, поговорить. И в тот момент, когда журналист, ничего не подозревающий о том, что одна его тайна раскрыта, отключит своё поле, чтобы сесть на стул, из укрытия выпрыгивают дюжие молодцы и хватают Зивелеоса за руки, не позволяя включить его могущественную защиту.

Идея, конечно, любопытная, – думал генерал, – но успеют ли его солдаты скрутить журналиста? Придётся немедленно отдать распоряжение созданной особой группе захвата Зивелеоса о необходимости дополнительной целенаправленной тренировки, рассказав им об этом поле.

Но вопрос в том, как встретиться с Зивелеосом? Никто его не приглашает к себе. Он сам выбирает, кто ему нужен. Однако можно же, как на охоте, подготовить подсадную утку. Это известный приём, но безошибочный. Можно, к примеру, уговорить владельца золотоносных рудников Шварцбермана возвратиться в Москву, растрезвонить об этом во всех средствах информации, и секретно сопровождать его всюду бойцами группы захвата.

Дотошкину пришла даже в голову одна забавная мысль. Он вспомнил, как в детстве, когда телевизоры являлись ещё редкостью, а компьютеров и в помине не было, ребята любили шумные весёлые игры с разными подвохами. Одну из них проводили в помещении. Игра заключалась в следующем.

Нового гостя, который не знаком был с этой шуткой, выпроваживали из комнаты на некоторое время, и в его отсутствие готовилось ему кресло, то есть ставились два стула на небольшом расстоянии друг от друга. Затем оба стула накрывались простынёй или ковром так, чтобы всё вместе казалось диваном, скрывая провал между стульями, на которые, как на края дивана, садились два подростка. Под пустотой подкладывались подушки, и только после этого в комнату приглашался гость. Его встречали как дорогого падишаха, подхватывали под руки, проводили к креслу и усаживали в центр. Не подозревающий о подвохе гость садился на пустое место между двумя так называемыми подданными, а те мгновенно вставали, и падишах проваливался между стульями, ощущая в первую секунду страх от падения, но оказавшись на мягких подушках, начинал смеяться со всеми остальными, трудная задача которых состояла в том, чтобы не рассмеяться до падения падишаха, дабы он не раскусил подвох заранее.

Вспомнив эту детскую игру, Дотошкин вообразил, как Зивелеос садится в кресло, отключив на секунду свою защиту, и неожиданно для себя падает, когда его и застают врасплах бойцы. А поставить разваливающееся кресло или стул – это сущий пустяк, дело простой техники. Генерал вспомнил, что сам когда-то сел на стул, который под ним развалился. Такую непрочную мебель иногда готовят современные мебельные фабрики.

Но этот вариант можно было бы считать лишь одним из многих, которые необходимо заготовить для поимки Зивелеоса. Пробежала в голове и идея снайперского выстрела в момент предполагаемого отключения защитного поля. Это было бы не очень хорошо, – думал генерал, – но в случае неудачи с другими вариантами, когда, например, группы захвата рядом нет и нет разваливающегося кресла, то можно же и ранить человека, а не убивать его. Вылечить потом можно, но главное ликвидировать само явление. А убьют, так тоже не велика беда – можно будет наказать плохого стрелка для видимости, а потом и наградить его за решение глобальной проблемы. Важно избавиться от всеобщей головной боли.

В памяти всплыли слова Зивелеоса, сказанные Абрамову Бору «У меня не было в плане встречаться с премьером сегодня». Значит, в этот день встречаться с премьером он не планировал, но вообще, скорее всего, собирается это сделать. Вот что существенно. Ну, пока премьера в Москве нет, можно об этом не беспокоиться. Хорошо бы разобраться с этой тяжестью до возвращения руководства страны.

Генерал вызвал Скорикова.

– Что нового из села Зареченки? – спросил он вошедшего подполковника.

– Пока никакого движения. Номеров машин ни один человек не запомнил. Но у меня есть мысль, – сказал офицер, садясь к столу по молчаливому приглашению начальника.

– Ах так, у вас даже мысли бывают, – съехидничал генерал, но тут же извинился: – Простите, Александр Васильевич, это я шучу так. Слушаю вашу идею.

Скориков хорошо знал, что на начальников обижаться нельзя по уставу и потому сделал вид, что не заметил ехидства:

– Мне кажется, правильным было бы сделать на лесной дороге завал из деревьев. Им ведь надо будет ехать по каким-то надобностям в город. А тут упавшие деревья. Как их убрать? Может и есть у них какая техника, неизвестно, однако потребуется время, а наши ребята тут как тут – хватить их и говорят: «А ну-ка завезите нас в вашу обитель. Надо бы поговорить по душам». И чего не сделаешь под пистолетом? Придётся ехать и открывать ворота. А там и наши ломы наготове должны сидеть, чтоб за ними ворваться. Остальное понятно.

– Мысль действительно не плохая. Мы, правда, не знаем, сколько на поляне людей. И вообще о поляне у нас практически нулевая информация. Как там действовать и какими силами? Но сама идея перегородить дорогу, я думаю, правильная. Надо послать туда отделение из стройбата. С местными жителями ни в коем случае об этом не говорите. Вдруг у них связь с Зивелеосом есть. Ведь молчали же в тряпочку о том, что происходит. Кстати, когда было замечено, что на поляну не попасть?

– О нечистой силе заговорили в этом году, а само явление могли замечать и раньше, но не говорили, так как не понимали, в чём дело. Да и место это не такое уж популярное у деревенских. Грибы можно и внизу собирать, чего на гору лезть?

– Это вы так думаете или они?

– В деревне так говорили.

– Короче, операцию с лысой поляной поручаю вам. Ройте максимально информацию. Может, кто-то там бывал, знает что-то, да не хочет рассказывать. И завалите дорогу подальше от поляны, но так, чтобы объехать нельзя было. Как я понимаю, подъезд к поляне только с одной стороны. Мы с вертолётки наблюдали, и я видел только реку по другую сторону. От неё, наверное, подъём слишком крутой. Но вы проверьте все подходы. Если мы заблокируем дорогу, они могут искать другой выход. Не будут же они всё по воздуху переносить. Хотя кто их знает. Учёные – народ загадочный. От них всего ожидать можно.

Скориков вышел, а генерал продолжал рассуждать. Ещё одна тема бредила его ум. Бабушка Тани Иволгиной. Не использовать ли её в качестве приманки? – подумал он. После того, как они неудачно взяли бабушку, а потом вынуждены были возвратиться домой, внучка обязательно попросит Николая обезопасить её. Вполне возможно, что они захотят её отвезти к себе на поляну, если у них там безразмерный терем-теремок.

Но Дотошкин был в курсе того обстоятельства, что Надежда Тимофеевна Иволгина была врачом-хирургом, известным не только в стране, но и за рубежом, имела обширную практику и преподавала, не только студентам, но и на курсах повышения квалификации. Вряд ли она захочет всё оборвать и удалиться куда-то надолго. Она всем нужна. Тогда, может быть, лучше поговорить с нею и привлечь, так сказать, на свою сторону? Она умный человек и может неодобрительно относиться к террористическим действиям, связанным с ограблениями банков и вообще людей, какими бы они ни были богатыми или бедными. Бабушка, скорее всего, старой закалки.

Генерал вызвал к себе полковника Глупого. Когда трясущийся от страха полковник вошёл в кабинет, Дотошкин даже не посадил его, а начал говорить с ним, оставив офицера стоять у двери:

– Евгений Иванович, не дрожите, я вас пока не увольняю, хотя вы здорово меня подвели своим советом.

Полковник Глупый, хоть и носил такую фамилию, но в ответ на слова начальника успел подумать, что если всех, кого так подводят, будут немедленно повышать в звании, то хорошо им будет с такими подводками. Вслух он, конечно, этого произнести не мог, а продолжал вежливо слушать.

– Скажите, Евгений Иванович, как вы можете охарактеризовать Надежду Тимофеевну Иволгину. Вы успели составить о ней впечатление?

– Так точно, товарищ генерал-лейтенант, составил. Могу обрисовать.

– Ну, обрисуйте, только не тянитесь официально. Сядьте, если хотите.

Полковник садиться не захотел и продолжал говорить, стоя у двери:

– Чрезвычайно интеллигентная женщина, средней полноты, роста метр шестьдесят восемь или метр семьдесят. Лет около семидесяти. Пышные волосы с проседью, очевидно, красит хной. Очки не носит. Взгляд пронзительный, словно проникает насквозь. Когда я позвонил и вошёл в открытую дверь, она собиралась уходить. Я предъявил удостоверение и сказал, что срочно прошу пройти со мной. Она понимающе кивнула головой и сказала, что вовремя оделась. Мы сели в машину, поехали, но она не задала ни одного вопроса, только сказала, садясь на заднее сиденье, что думала, будто эти времена ушли совсем. Я не понял, о чём она, но обрадовался, что не спрашивает ни о чём и не стал ничего объяснять.

– Вы в самом деле не поняли её или прикидываетесь, полковник? – оборвал доклад генерал. – Она же имела в виду время арестов и думала, что вы её арестовали. Надо было обязательно разъяснить.

– Что *разъяснить*? – растеряно спросил полковник. – Не мог же я ей говорить, что берём в качестве заложницы или что мы едем погулять.

– Да, ни то, ни другое вы не могли сказать. А как она восприняла ваши последующие извинения и возврат домой?

– Когда вы позвонили мне, я попросил у неё прощения, сказав, что мне ошибочно дали её адрес, а просили пригласить совсем другого человека. Она рассмеялась и попросила высадить, так как куда-то торопилась.

– А вы не захотели её подвезти, раз ошиблись?

– Хотел, но она наотрез отказалась, сказав, что ей совсем близко к метро. Мы действительно были возле метро.

– Вы не поинтересовались, куда она спешит?

– Нет.

– Ну и хорошо. Она бы неправильно поняла.

– Скорее всего, она бы поняла правильно, что гораздо хуже. Неправильно нас понимают редко.

– Я опять замечаю, что вы не так глупы полковник, как говорит об этом фамилия. Потому и оставляю работать в своём подчинении, хоть и отстранил от дела.

– Вообще-то настоящая моя фамилия была не Глупый, а Глупой, – сказал смущённо полковник, делая ударение на букве «о». А когда мне выписывали паспорт, в милиции посчитали, что правильнее писать Глупый, так как нет слова Глупой. Мы жили тогда в деревне. У нас такое слово было, но разницы никакой в значении. Доказать не смогли, так и оставили в паспорте «Глупый».

– Да, фамилия у вас не подарок. Дразнили, небось, в детстве?

– Конечно. Всех как-нибудь дразнят. Вас разве не дразнили «Дотошка, дай картошки» или что-то в таком роде?

– И, правда, дразнили. Жена даже как-то в молодости, вспомнив песню по Антошку, спела мне: Дотошка, Дотошка, сыграй мне на гармошке. Я ей так сыграл за это, что она на всю жизнь запомнила. Не люблю таких шуток. Ну, ладно. Можете быть свободны.

– Слушаюсь!

Полковник щёлкнул каблуками и, круто развернувшись, вышел из кабинета. Последним замечанием генерала полковник остался доволен, хоть оно и звучало несколько оскорбительно. Важно, что его оставляли на службе и не считают глупым.

Бабушкины гости

В одиннадцать часов вечера в Москве было совсем темно. Начинаясь сентябрь. Николай с Таней подлетели к её дому и бесшумно опустились на балкон. В комнате Тани свет не горел, балконная дверь была открыта. Таня действовала по заранее продуманному плану. Оставив Николая на балконе, она тихонько вошла в комнату, прошла в коридор, тихо открыла своим ключом входную дверь, вышла, заперев её, и нажала на кнопку дверного звонка, одновременно отпирая дверь.

Навстречу выбежала бабушка.

– Танечка! Внучка! Откуда ты? И почему звонишь в дверь, когда сама открываешь? – запричитала она, обнимая плакавшую от радости внучку.

– Звоню на радостях, что вернулась домой, и чтоб тебя разбудить, если ты спишь.

– Да что ж это я спать-то буду в такую рань? Ах, ты моя красавица! И не позвонила, что приезжаешь. Я бы пирогов напекла. Почему одна? Ну да, ну да, понимаю, – спохватилась Надежда Тимофеевна, видя, что внучка приложила предостерегающе палец к губам.

Таня, заперев дверь, задвинула засов и повесила цепочку, потом показала на потолок, стены и потянула себя за уши, слегка раздвигая их, что должно было означать: везде уши и нас слышат. Надежда Тимофеевна развела ладони в стороны и сделала удивлённые глаза, не зная, что говорить, а что нет. Но Таня взяла инициативу разговора на себя:

– Бабуль, попьём с тобой чаю, но сначала я хочу принять ванну, а то в нашем захолустье ни помыться, как следует, ни чаю хорошего не попить. А ты телевизор смотришь? Вот и хорошо. Сиди, я сама помоюсь.

Говоря всё это, Таня вошла в большую комнату, где стоял телевизор, включила громче звук и, ни слова не говоря, потянула бабушку за собой в ванную комнату, показывая ей пальцем, чтобы та молчала. Войдя в ванную, она открыла воду, заставив струи душа с громом падать в ванну, засмеялась и сказала совсем другое:

– Бабуль, я тебе плету, чёрт знает что. Не обращай внимания. Это я для тех, кто подслушивает нас. Ты посиди здесь на табуреточке. Я сейчас приведу Николая. Он на балконе. Нас никто не должен слышать, а всюду могут быть прослушки. Разговор же у нас будет очень серьёзный.

Через минуту вслед за Татьяной вошёл Николай в своём костюме, но уже без шляпы, очков и усов. Усевшись с подругой на край ванны, они хотели обсудить возможность вживания Тане микрочипов, но сначала Надежда Тимофеевна рассказала о своём, как она думала, аресте. Николай пояснил, что им это почти всё известно, и потому думают, что будет полезно обезопасить бабушку от действия властей, забрав её к себе. Он вкратце рассказал о своём посещении Абрамова Бора и телефонном звонке о захвате бабушки.

– погоди! Это что ж получается? Меня хотели взять в заложницы? – всплеснув руками, спросила Надежда Тимофеевна, услышав сказанное Николаем. – На кого ж они хотели меня обменивать?

– На премьер-министра, – засмеялся Николай. – Нет, Надежда Тимофеевна. Шучу. Так могло получиться, но премьер не приехал. А от меня хотели, чтобы я отказался брать деньги у Абрамова Бора. Но я пообещал взять жён генералов, если вас не отпустят, и они испугались.

– Как интересно! И деньги не дали?

– А куда они денутся? Пришлось Абрамову Бору всё подписывать и расстаться с миллиардом.

– Это так много они хотели за мою персону?

– Не меньше, Надежда Тимофеевна. Вы стоите и большего. Поэтому мы хотим вас увезти подальше от этих государственных провокаторов. Они обязательно ещё что-то придумают.

– Да, бабуля, соглашайся, – умоляюще сложив руки, попросила Таня.

Но в ответ на это молодые люди получили весьма чёткий ответ, что у них своя жизнь, а у Надежды Тимофеевны своя и не менее напряжённая. Она напомнила, что у неё десятки студентов, десятки больных, которые ждут помощи и часто хирургического вмешательства. А властей она не боится, так как ничего предосудительного за ней нет, а тот факт, что внучка любит журналиста, к бабушке прямого отношения не имеет. Дети сегодня не спрашивают родителей, что и как им делать.

– Но я тебя обязательно спрошу, можно ли мне выйти замуж, – вернула Татьяна.

– Спросишь и хорошо. А уж я тебе никогда не откажу, милая ты моя внученька.

Бабушка и внучка обнялись, с трудом сдерживая слёзы. Только после этого Таня приступила к главной цели их появления дома.

– Бабуль, – начала она мягким ласковым голосом. – У нас к тебе очень большая просьба.

Надежда Тимофеевна насторожилась. Она хорошо знала свою внучку, и такой нежный подход всегда говорил о чём-то очень серьёзном, когда бабушке приходилось чем-то жертвовать, то своими лекциями, ради того, чтобы помчаться на концерт внучки, то ещё чем-то ради интересов своей любимицы.

– Ты знаешь, что такое микрочипы?

– Ещё бы мне не знать, если я лекции читаю об их современном использовании в нейрохирургии.

– А тебе приходилось их вживлять кому-нибудь?

– Приходилось, но не людям, а коровам. Помнишь, я ездила в Свердловск? Там в селе мы вживляли чипы стаду коров для учёта качества молока и продуктивности каждой коровы.

– А людям вживляют чипы?

– У нас в стране этот вопрос дебатировался давно. А в Америке практика вживления микрочипов даже в мозг человека существует уже несколько лет. А почему это вас интересует?

– Бабуль, – Таня сделала паузу и потом будто выдохнула: – Мне нужно вживить микрочипы. Мы даже привезли их с собой.

– Внучка! – Надежда Тимофеевна посуровела в голосе. – Ты соображаешь, о чём говоришь? Микрочип – это не кукла, которую купила, а потом выбросила, если не понравилась. С ними люди живут. И потом, вживляют их только в случае крайней необходимости. Например, если пропала память или другие расстройства нервной системы. А тебе это зачем?

– Мы всё это знаем, бабуль. У нас ведь профессор Наукин этим занимается, как физик, а его внучка Маша тоже учёный биолог.

– Ну и что? – продолжала возмущённо Надежда Тимофеевна. – Я, кстати, читала, кажется, в Интернете статью Марии Наукиной по вопросу вживления микрочипов. Интересная статья, но тебе-то это к чему? Чем ты больна?

– Я не больна, бабушка, и микрочипы у нас для другой цели. И они совсем маленькие – меньше спичечной головки. Мне нужно помогать Коле, а эти чипы сделают меня такой же недоступной, как Колю в его костюме.

– Надежда Тимофеевна, – вмешался в разговор Николай. – Мы хотим это сделать не на всю жизнь, а на некоторое время, пока выполним свою основную задачу. Потом чипы можно будет убрать. У нас микрочипы другого характера. Их не считывают компьютеры, по ним нельзя следить за передвижением человека, как вы следили за коровами. Наши чипы создают непробиваемое ничем энергетическое поле вокруг человека. С ними Таня будет в полной безопасности, а передвигаться будет и по земле, и по воздуху так же, как это делаю я.

– Не совсем понимаю, – проговорила Надежда Тимофеевна уже помягче, так что Таня догадалась, что бабушка сдаётся в своих возражениях. – Но неужели вы хотите, чтобы я прямо сейчас вживила эти микрочипы? Это же не так просто.

– Бабуль, – зазвенела весёлым голоском Таня, – мы потому к тебе и приехали, то есть прилетели, чтобы посоветоваться и попросить тебя помочь. Если бы это было просто, мы сами бы справились.

– Нет, внучка, сами вы не сможете. Для этого требуется тебе лечь ненадолго в больницу. Нужны всё же анализы и абсолютная стерильность.

– Ах, нет, – испугалась Таня. – В больнице меня могут найти и обязательно помешают.

Надежда Тимофеевна задумчиво смотрела на молодых людей. Николай начинал ей нравиться всё больше и больше. Он говорил не много, но очень уверенно. Было видно, что парень убеждён в своей правоте и хорошо понимает, что делает. И всё же задача, поставленная перед нею, была не из лёгких во многих отношениях. Всякая операция нейрохирургии сама по себе сложна. А тут ещё добавлялась необходимость секретности.

Таня посмотрела на бабушку умоляющим взглядом и словно пропела, протяжно говоря:

– Бабуль, придумай что-нибудь. Ты же такая у меня умница.

Надежда Тимофеевна посмотрела на падающую из душевой сетки воду, как бы ища у неё ответа, и наконец сказала:

– Здесь в Москве тебя, внучка, быстро вычислят. Но у меня есть идея. Я через пару дней улетаю в Саратов. Меня просят помочь в новом медицинском центре. Давай, там мы тебя положим. У них прекрасный штат и хорошие условия. Это целый медицинский город. Никто тебя там искать не будет. И я сделаю, что смогу. Покажите ваши микрочипы.

Николай достал металлическую коробку, раскрыл её и показал, что каждый микрочип находился запечатанным в стерильный пакет, на котором были надписи: левая рука, правая рука, лоб, правая нога, левая нога. Микрочипы были меньше булавочной головки.

Надежда Тимофеевна улыбнулась:

– У вас всё продумано. Это радует. Но как же они будут работать без питания?

– Так же, как работают у меня в костюме под воздействием источника, спрятанного в платформе обуви. – Объяснил Николай. – Без этой специальной обуви, которую мы подгоним по её ноге, чипы работать не будут.

–

Я позвоню Танечке, когда нужно приехать и куда, а...

– Извините, что прерываю, Надежда Тимофеевна, – остановил её Николай, – у нас большая просьба не звонить Тане с домашнего и своего мобильного телефона. Мы убеждены, что все ваши разговоры прослушиваются.

– А как же мы будем разговаривать?

– Мы привезли вам другой мобильник, который нигде не зарегистрирован, точнее, зарегистрирован, но на выдуманную фамилию, так что если кто и запишет ваш разговор, то никому не будет понятно, кто и о чём говорит. И звонить с него лучше из города, а не из дома, где он может быть сразу засечен.

– Вы делаете из меня настоящую разведчицу, – смеясь, сказала Надежда Тимофеевна.

– К сожалению, мы все вынуждены привыкать к новой жизни. Охота за нами ведётся крупная. Это не игра, и отступить нам теперь некуда.

Обсудив детали, когда и как будет доставлена Таня в больницу, переговорщики закончили совещание. Таня открыла дверь и прокричала:

– Бабушка, я помылась. Принеси, пожалуйста, большое полотенце, а то я забыла.

Часы показывали полночь. Потратив ещё полчаса на чаепитие, во время которого Николай молчал и все вели себя так, словно его здесь не было, Таня попрощалась с бабушкой и молодые люди тихонько выбрались на балкон и улетели к себе на поляну. Переговоры прошли успешно.

Утром Надежда Тимофеевна отправилась на работу, а вечером к ней пришёл другой неожиданный гость.

Генерал Дотошкин, придя утром в кабинет, первым делом попросил запись прослушек в квартире Иволгиной. Никаких важных записей до сих пор не было. Звонили вечерами сотрудники, заглядывали соседи, но ни Зивелеоса, ни Тани не было слышно. А в этот раз техник сообщил, что вчера приезжала давно исчезнувшая из поля зрения внучка. Естественно, генералу захотелось услышать, о чём она рассказывала. Но запись прослушек разочаровала.

Сначала раздался звонок в дверь. Вошла и радостно приветствовала бабушку внучка. Ей захотелось принять ванну перед чаем. Потом она пила с бабушкой чай. Сказала бабушке «До свидания». Затем слышались шаги Надежды Тимофеевны, стук убираемых после мытья чашек на кухне.

Генерал слушал эту запись несколько раз, и никак не мог понять, что его в ней смущает. Пригласил полковника Глупого. Дал прослушать ему два раза и спросил, всё ли ему здесь понятно и не вызывает ли что-нибудь вопросы. Полковник попросил прослушать с остановками третий раз. После появления Татьяны в квартире прервал запись.

– Сергей Сергеевич, хочу обратить ваше внимание на запирающуюся дверь. Сначала был щелчок английского замка. Это нормально. Потом слышится звукдвигающегося железа. Такое впечатление, что там задвижка. Но, может, девушка отодвинула что-то? Ведро, например.

– Вы были в квартире, видели в прихожей ведро или задвижку на двери?

– Определённо сказать не могу, так как я встретил Надежду Тимофеевну почти в дверях, собиравшейся выходить. Вёдер точно в прихожей не было, а задвижку на двери, кажется, видел.

– Можно, конечно, пригласить техников, которые устанавливали прослушки, когда хозяйки не было дома. Они наверняка помнят, что там было на дверях, но, думаю, что в этом нет необходимости.

Генерал прокрутил запись ускоренно вперёд и снова включил прослушивание.

– Я убрал ночное время, – сказал он, – послушаем утро.

Слышно было, как кто-то торопливо ходит по комнатам, очевидно, завтракает на кухне и, наконец, покидает квартиру.

– Вот, слышите? – спросил Дотошкин. – Отодвигается засов на двери, сбрасывается цепочка и потом щёлкает отпираемый замок. Значит, дверь была закрыта и на засов. Но этих звуков мы не слышали с вами после того, как внучка попрощалась со своей бабушкой. Как она ушла, не отпирая двери?

– Невероятно! – восхищённо ответил полковник. – Вы настоящий Шерлок Холмс.

– Слушайте, Евгений Иванович, нам не до бахвальства сейчас. Надо сообразить, в чём тут дело. Мне с самого начала в этой истории неясно, почему внучка появилась так поздно одна, почему уходит после полуночи? Как ей позволил это её возлюбленный Зивелеос?

– А почему вы думаете, Сергей Сергеевич, что она ушла после полуночи?

– Внимательнее слушать надо, полковник. В комнате работал телевизор. Там прослушивались ночные новости, которые передают после полуночи.

– Виноват, я к телевизору не прислушивался.

– Напрасно. Однако сейчас не об этом. У меня такое впечатление, что сам Зивелеос должен был там быть.

– Ну, они тоже не дураки и решили его голос не озвучивать.

– В том-то всё и дело. Если это так, то становится очевидным, что они знают или догадываются о наших прослушках и умело играют с нами. Этот журналист Самолётов очень дошлый парень. Он уже нас водил однажды за нос с нашими же прослушками и принёс одну прослушку к нам в контору, сделав вид, что случайно уронил телефонный аппарат и увидел жучок. Такой, оказывается, артист: разыгрывал ничего не понимающего человека. Казёнкин ему тогда

поверил. А я не могу поверить в то, что девушка пришла ночью сама, чтобы принять ванну и попить чай. Тут они прокололись.

– Толку-то с этого, – проворчал полковник. – Нам всё равно не понять, зачем они появились. Разговоров никаких не слышно.

– А где у нас нет прослушек?

– Вроде бы везде устанавливали, кроме ванной. Над балконом и то потом поставили.

– Ну что ж, ничего тут мы не решим. Надо будет мне вечером самому появиться у нашей докторши. Она ведь тоже именитый учёный и профессор. Ей, мне кажется, как и журналисту, палец в рот не клади – откусит. Узнайте, где она сейчас, и сообщите, когда поедет домой.

Надежда Тимофеевна едва успела войти в квартиру и умыться с дороги, как в дверь позвонили. Увидев через глазок на площадке интеллигентного вида пожилого мужчину в красивом стального цвета костюме с букетом роз в руках, но совершенно не знакомого, она открыла дверь с удивлённым выражением на лице и со словами:

– Слушаю вас. Вы, наверное, ошиблись дверью. С такими красивыми цветами ходят только к любимым, а я вас не знаю.

Генерал Дотошкин, это был он, широко улыбнулся и произнёс мягким баритоном:

– Надеюсь, не ошибаюсь – вы Надежда Тимофеевна?

– Верно, – услышал он в ответ и тут же продолжил говорить:

– Тогда позвольте мне всё же войти, а цветы и конфеты, – в руках, оказывается, была и коробка шоколадных конфет, – разумеется, вам. Такой красивой женщине они вполне подойдут. И ничего плохого у меня в мыслях нет.

Хозяйка слегка улыбнулась, принимая подарки и пропуская гостя в прихожую. Она не могла придумать ничего другого, как сказать в ответ:

– Спасибо, конечно, за цветы и комплимент, но у нас принято предупреждать по телефону о визите. Это всё же Москва. Мало ли кто может придти с подношениями, пряча за ними чёрные мысли. Я обычно не принимаю посторонних, но вы мне не кажетесь бандитом.

– Что вы, Надежда Тимофеевна, бандитизм – это не мой профиль. Да и возраст уж не тот, чтобы кого-то грабить, – сказал генерал, продолжая улыбаться и показывая рукой на свою седую голову. – Меня зовут Сергей Сергеевич. А что не позвонил, простите. Но вы, наверное, только что пришли и даже не успели переодеться в домашнее. Я постараюсь не задержать разговорами.

Танина бабушка отличалась умением быстро оценивать ситуацию – этому учила профессия хирурга – и потому она почти сразу догадалась, что визит носит официальный характер, но продолжала играть роль простодушной женщины, говоря:

– Я действительно только что пришла, но вы не беспокойтесь, пожалуйста, проходите в комнату. Я поставлю сейчас цветы в вазу и, думаю, что конфеты принесены к чаю или кофе. Что вы предпочитаете?

«Какая она догадливая и приметливая, – подумал Дотошкин, – а вслух сказал:

– Если не затруднит, чаю, пожалуйста. Кофе предполагает и коньяк, а его я не предусматривал.

– Ну, коньяк у меня найдётся, так что приготовлю кофе, а вы проходите и располагайтесь, как дома. Можете включить телевизор, а то я ещё не успела, – и, снова восхищённо глянув на букет, Надежда Тимофеевна устремилась на кухню, бросив на ходу – Можете помыть руки, если хотите. В ванной всё есть.

Генерал не преминул воспользоваться предложением посетить ванную, в которой первым делом нашёл местечко за раковиной для умывания, куда никакая женщина не полезет руками, и прикрепил жучок для прослушивания, восполнив тем самым пробел в работе своей технической службы. Ещё позвонив в квартиру, Дотошкин прислушался к тому, каким образом будет открываться дверь. Как он и думал, сначала послышался звук отодвигаемого засова, а потом

щелчок замка. Его предположения подтверждались. Закрывая за гостем дверь, хозяйка уже не пользовалась засовом, и это было понятно – она не рассчитывала на долгий визит.

Войдя в гостиную, генерал по привычке сначала направился к окну проверить, куда оно выходит – осторожность прежде всего – потом сделал несколько шагов к пианино, над которым висело несколько фотографий одной и той же пары молодых людей, снятых то во время объятий в свадебных нарядах, то сталкивающимися лбами, словно хотели бодаться, то поющими на сцене, глядя друг на друга.

– Это мой сын с невесткой – пояснила Надежда Тимофеевна, входя в комнату с подносом. – Они погибли в авиакатастрофе по пути в Англию, где должны были выступить с концертом. Это был оригинальный дуэт. По крайней мере, так его называли. Вы, конечно, не помните. Это было тринадцать лет назад. Наша Танюшка была ещё совсем маленькой, но часто бывала с родителями на концертах и полюбила песню. Катюша играла на гитаре, а Володенька на пианино.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.